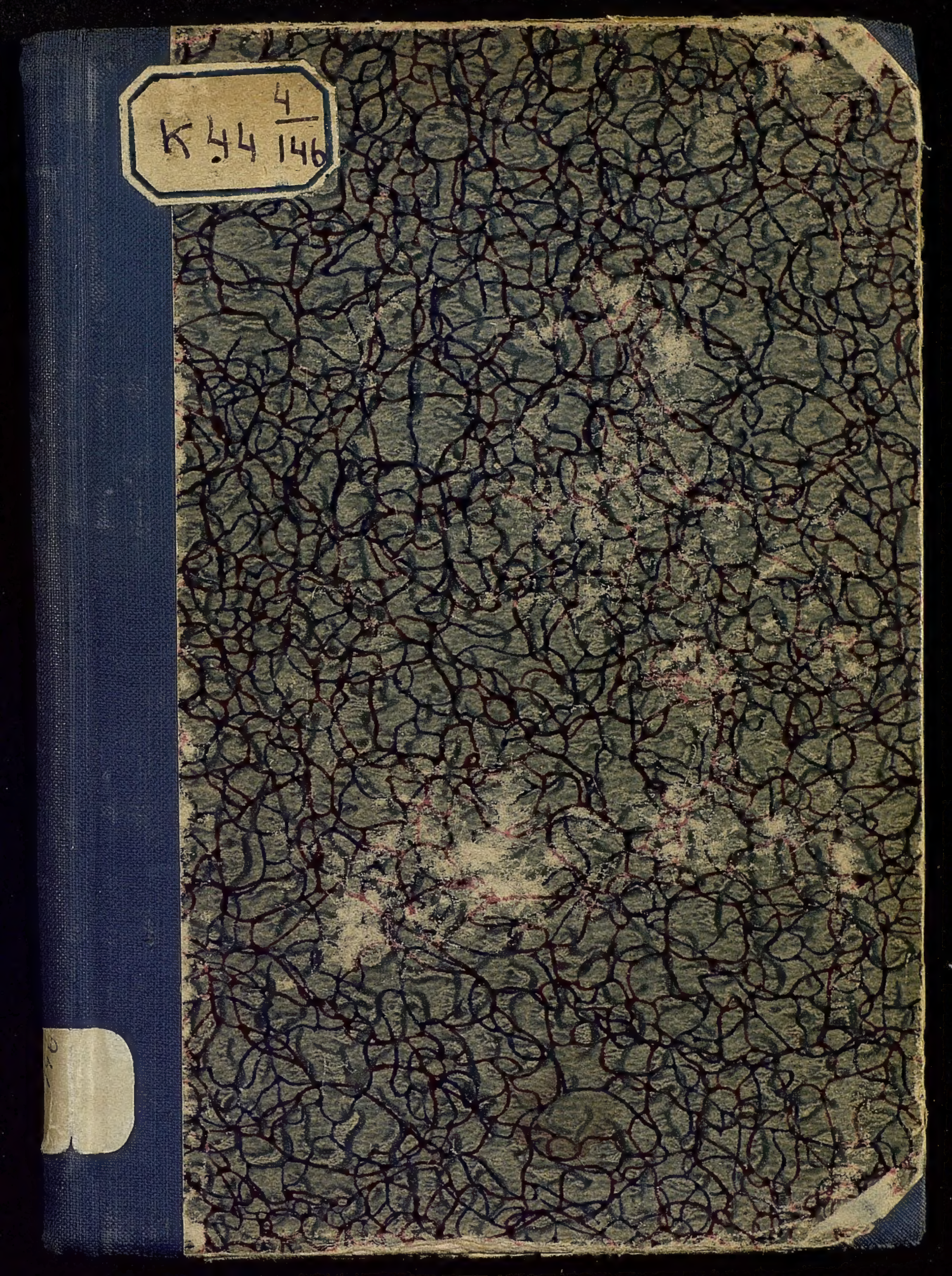
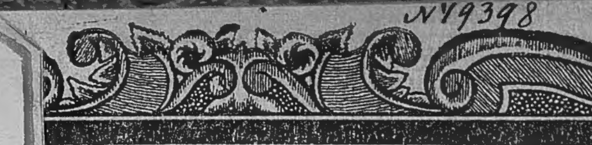

Лидія Захарова.

ДНЕВНИКЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

На передовыхъ позиціяхъ.

1914—1915 г.г.

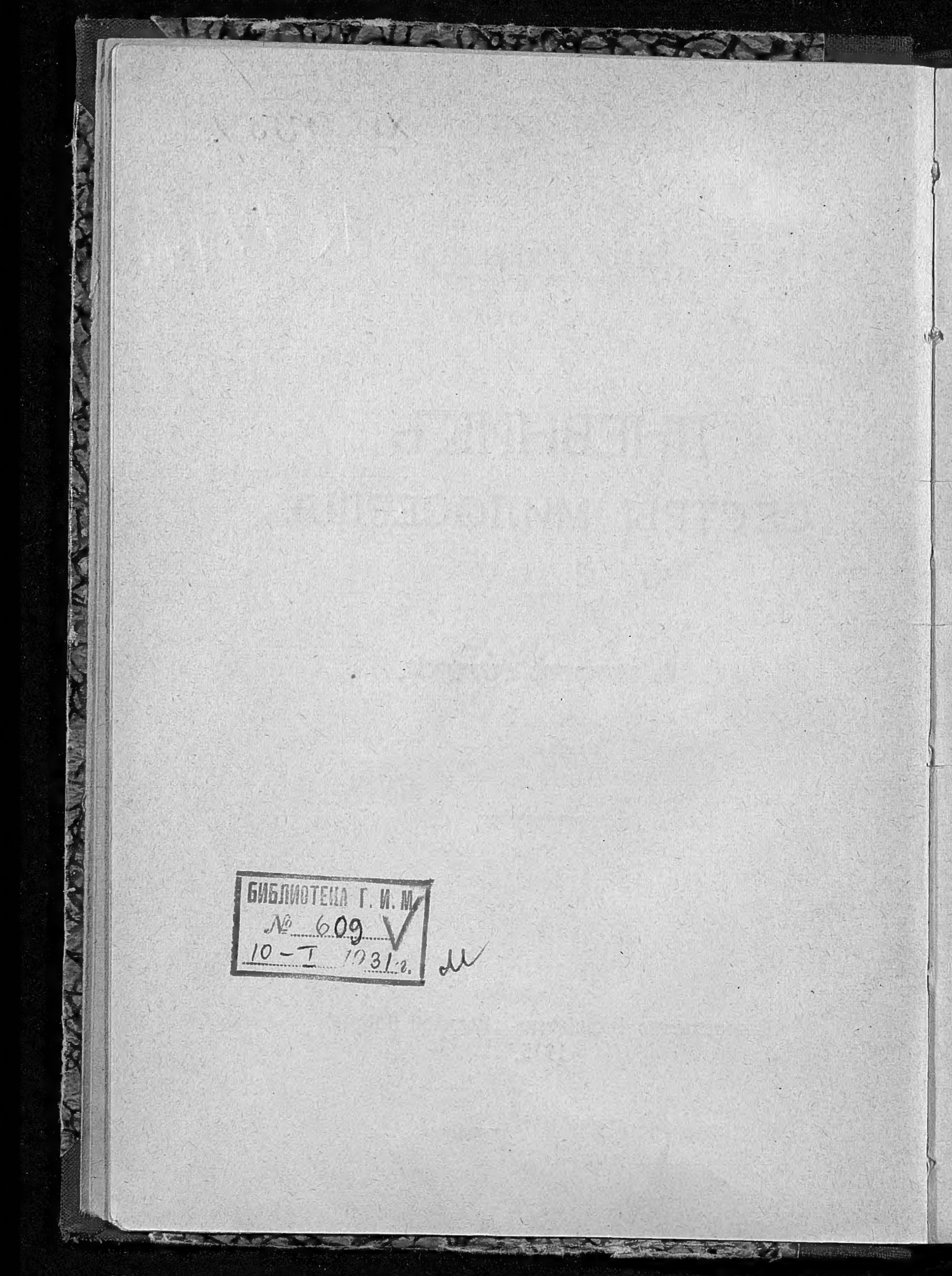
Издательство „Библіотека Великой Войны“.
1915.

Лидія Захарова.

ДНЕВНИКЪ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

На передовыхъ позиціяхъ.

Издательство Библіотека „Великой Войны".
1915.

ДНЕВНИКЪ

сестры милосердія.

Записки сестры милосердія.

I.

Вечеръ нашего отъѣзда изъ Петрограда выдался теплый, ясный и румяный особымъ немного печальнымъ, но красивымъ румянцемъ послѣднихъ дней отцвѣтающаго лѣта.

Тишина и мягкость безвѣтреннаго воздуха пріятно баюкали нѣсколько взвинченые обстановкой и событіями нервы.

Стоя на перронѣ вокзала, среди санитаровъ, врачей и множества другихъ отъѣзжавшихъ сестеръ, бѣлыя косынки которыхъ трепетали, какъ громадныя бѣлыя бабочки, случайно залетѣвшія подъ закоптѣлую стеклянную крышу вокзала, я глядѣла въ полукруглый просвѣтъ ясной дали, куда убѣгали серебристыя въ лучахъ заходящаго солнца полосы рельсъ, стараясь мысленно себѣ представить то грозное и

зловѣщее, что зовется войной — но не могла этого сдѣлать.

Мѣшало какое то неожиданное, охватившее всѣхъ настроеніе тихаго, почти радостнаго умиленія и отвлекала окружающая, двигающаяся и жужжащая толпа.

Народу все прибавлялось по мѣрѣ того, какъ громадная стрѣлка электрическихъ часовъ, падая съ медлительной неуклонностью рока съ цифры на цифру, приближалась къ минутѣ отправленія.

Прибывали родные, близкіе, знакомые и незнакомые, всѣ съ одинаковой лаской, съ одинаково раскрытой душой.

Въ сторонѣ отъ другихъ обращала на себя вниманіе маленькая трогательная группа: совсѣмъ молоденькая сестра, похожая на институтку въ своемъ строгомъ костюмѣ, держала крѣпко за руки высокаго студента и молча, не отрываясь, смотрѣла въ его глаза страдальческимъ, любящимъ взглядомъ.

Проходившая мимо маленькая сгорбленная старушка на мгновенье пріостановилась и незамѣтно издали перекрестила ихъ мелко и быстро, пряча руку подъ платкомъ.

Потомъ обернулась и конфузливо уронила, ни къ кому въ частности не обращаясь:

— Сынокъ у меня тамъ. Молоденькій. Невѣсту тоже оставилъ...

Плотный господинъ въ золотыхъ очкахъ пожималъ руки направо и налѣво и повторялъ, видимо не находя нужныхъ словъ:

— Будьте счастливы, господа, будьте счастливы.

Подходили и другіе, подавали цвѣты, конфекты, какіе то пакеты и свертки, предназначенные и для насъ и для солдатиковъ.

Матери подводили дѣтей.

— Передайте солдатикамъ, что мы ихъ любимъ, что мы помнимъ ихъ и о нихъ молимся...

Прозвенѣлъ второй звонокъ.

Всѣ зашевелились, послышались отдѣльныя всхлипыванія, звуки поцѣлуевъ. Кое-кто уже вошелъ въ вагоны и черезъ опущенныя окна принималъ подарки и обмѣнивался послѣдними рукопожатіями.

Еще нѣсколько минутъ. Снова короткій ударъ въ колоколъ, свистокъ и, словно нерѣшительно, съ лязгомъ качнулась длинная вереница вагоновъ и поплыла мимо платформы, разомъ расцвѣтившейся множествомъ рѣющихъ платковъ, шапокъ и рукъ, мимо окна телеграфной конторы, красной башни водокачки, все быстрѣе, все дальше отъ тѣхъ, кто оставался, минуя про-

копченые многоэтажные дома предмѣстій города, цѣлые частоколы дымящихся фабричныхъ трубъ, пригородныя кладбища, къ зеленымъ полямъ, къ лѣсамъ и простору, къ нашей послѣдней желанной и страшной цѣли.

Первые полчаса въ вагонѣ промелькнули незамѣтно.

Немного ознакомились другъ съ другомъ, разобрали и разложили загромоздившую сидѣнья поклажу, потомъ занялись чаепитіемъ изъ объемистаго чайника, оказавшагося у одной изъ наиболѣе запасливыхъ сестеръ.

Догорѣли за окнами розовые отблески зари, золотыя мухи паровозныхъ искръ дождемъ полетѣли навстрѣчу, зажглось въ фонаряхъ электричество.

Утомленные пережитыми волненіями, люди стали располагаться на отдыхъ.

Забралась и я на верхній диванъ.

Повсюду въ полумракѣ темнѣли неясныя очертанія свернувшихся человѣческихъ фигуръ въ разныхъ позахъ и положеніяхъ.

Въ одномъ углу еще долго тихонько шептались двѣ молодыя сестры и шуршали конфектными бумажками. Наконецъ, и онѣ затихли, только мѣрное дыханье спящихъ, да успокаива-

ющее, монотонное погромыхиванье поѣзда нарушало тишину. Мнѣ не спалось.

Напрасно я жмурилась, вертѣлась на неудобномъ и узкомъ ложѣ, глаза не хотѣли смыкаться; а возбужденный мозгъ не могъ остановить своей работы и, какъ въ кинематографѣ, мелькали въ воображеніи картины прошлаго, такого недавняго, такъ свѣжаго въ памяти...

Безмятежные дни необыкновеннаго, знойнаго, прямо южнаго лѣта въ небольшомъ курортѣ въ Эстляндіи. Залитый солнцемъ пляжъ, кишащій розовыми или янтарными отъ загара тѣлами множества ребятишекъ. Между ними мои два мальчика, дорогіе и уже далекіе, оставленные на попеченіе матери. Неожиданно ворвавшееся въ мирное существованіе слово—война.

Въ началѣ только слово, не связанное съ понятіемъ.

Первая манифестація въ душную лѣтнюю ночь. Звуки гимна, подхваченные несмѣтной толпой подъ аккомпаниментъ мощнаго рокота моря. И какъ-то сразу послѣ этого телеграмма отъ мужа, призваннаго въ дѣйствующую армію. Общая паника. Какое-то стадное бѣгство. Мой собственный отъѣздъ, съ однимъ стремленіемъ, съ одной мыслью только бы успѣть, только бы не опоздать.

Въ поѣздахъ творилось что то неописуемое. Казалось, все и вся всколыхнулось съ насиженныхъ мѣстъ, всѣ хотѣли ѣхать, плакали, требовали, сердились и умоляли. Осаждали растерявшагося, охрипшаго, едва держащагося на ногахъ начальника станціи.

Росписанья не существовало, поѣзда отходили, когда Богъ на душу положитъ, по мѣрѣ представляющейся возможности. Никто ничего не зналъ, на вопросы желѣзнодорожные служащіе только безнадежно отмахивались руками.

Когда послѣ долгаго ожиданья и мучительной неизвѣстности былъ, наконецъ, поданъ поѣздъ, всѣ ринулись къ вагонамъ, тѣсня и давя другъ друга, мгновенно были заняты всѣ мѣста не только для сидѣнья, но и для стоянья. Ѣхали, держась другъ за друга на площадкахъ вагона, на тендерѣ, говорятъ, даже на крышѣ, подавали въ окна ревущихъ, перепуганныхъ дѣтей и растрепанные пожитки. Слышался плачъ, зовъ потерявшихъ въ толпѣ своихъ, истерическіе выкрики женщинъ.

Но я видимо родилась подъ счастливой звѣздой. Какимъ то чудомъ мнѣ удалось проскользнуть въ одинъ изъ вагоновъ третьяго класса, гдѣ мнѣ пришлось, вмѣсто обычныхъ четырехъ, провести цѣлыхъ 12 часовъ, стоя плотно прижатой

къ чьей то спинѣ въ пиджакѣ, на которомъ я успѣла до тонкостей изучить каждую клѣточку и неровность шва, въ невыносимой пыли, духотѣ и жарѣ съ жуткимъ опасеньемъ, что вотъ вотъ станетъ дурно и что тогда...

Однако добрались глубокою ночью. А тамъ— тревожный ночной звонокъ въ квартиру такую непривычную и чужую лѣтомъ, съ мебелью подъ чехлами и покрытыми газетами картинами. Мучительно сладкая встрѣча съ мужемъ, тоже незнакомымъ и новымъ въ военной формѣ. Затѣмъ два промелькнувшіе, какъ въ туманѣ, дня. Тотъ же вокзалъ съ котораго уѣхала и я, та же неумолимо опадающая стрѣлка часовъ... Мимо, мимо.

Послѣ отъѣзда мужа опустѣло и въ квартирѣ и въ сердцѣ. Нужна была энергичная дѣятельность, много хлопотъ, движенья и усталости, чтобы кое-какъ засыпать по ночамъ и хоть на время забываться.

Возвращаться къ дѣтямъ казалось ужаснымъ: старшій спроситъ о папѣ, а младшій такъ на него похожъ. И я нашла спасенье отъ тоски. Я рѣшила раздѣлить участь того, къ кому рвалась душа въ безсильномъ порывѣ.

Подготовка къ новой дѣятельности, хлопоты, поѣздки къ лицамъ, которыя могли оказать

содѣйствіе въ моемъ предпріятіи, тысяча вынырнувшихъ откуда то дѣлъ, заботъ, обязательствъ, долгая переписка съ матерью, неудачи, отъ которыхъ опускались руки, и удачи, поднимавшія духъ. И заключеніе. Отъѣздъ нынѣшняго вечера. Успокоенное, торжественное и грустное чувство крещенья въ новую жизнь.

Только предъ разсвѣтомъ я ненадолго забылась тревожнымъ и чуткимъ сномъ.

II.

Проснулась я, разбуженная какимъ то не то заунывнымъ пѣніемъ, не то долгимъ тянущимъ воемъ.

Въ вагонѣ было еще не очень свѣтло. За окномъ блѣднѣло предразсвѣтное невеселое небо. Поѣздъ стоялъ на какой то станціи, рядомъ съ другимъ, въ окнахъ котораго мелькали защитныя безкозырки и неуклюже навьюченныя фигуры солдатъ. Въ промежуткахъ между вагонами пестрѣла толпа провожавшихъ бабъ, виновницъ страннаго, слышаннаго мною завыванья.

Послѣ томительно долгаго стоянья на одномъ мѣстѣ раздался, наконецъ, повелительный, властный свистокъ, на мгновеніе причитанья усилились, но тутъ же покрылись грянувшей изъ медленно проползавшаго воинскаго поѣзда удалой пѣсней и кликами „ура“, на которые, будто заражаясь налетѣвшимъ настроеніемъ, послышалось среди остающихся:

— прощай, касатикъ!

— счастливо, родной!

— дай Богъ въ часъ добрый!

— храни васъ Господь...

Пронзительно закричалъ завернутый въ лоскутное одѣяльце ребенокъ на рукахъ одной изъ бабъ.

Нашъ поѣздъ тоже тронулся.

Впослѣдствіи подобныя сцены повторялись на всѣхъ остановкахъ, и, постепенно притупляясь, привыкали нервы къ виду чужого страданья, приготовляясь къ тому, что ждало впереди.

Ѣхали мы долго, безконечно долго. Обжились, сдружились другъ съ другомъ, научились не суетиться, не роптать на медлительность и покоряться неизбѣжному.

Провели не мало пріятныхъ и уютныхъ часовъ вокругъ гостепріимнаго гиганта-чайника хозяйственной сестры Л., слушая неисчерпаемые,

бьющіе живымъ юморомъ разсказы одного изъ врачей Алексѣя Петровича С., успѣвшаго сдѣлаться общимъ любимцемъ и баловнемъ.

Уже приходили къ концу лакомства, предназначеныя для услажденія нашего пути петроградскими знакомыми, уже завяли и свернулись цвѣты, хрупкая жизнь которыхъ охранялась всѣми такъ дружно, бережно и любовно, какъ послѣдняя живая связь съ покинутыми близкими, когда позднимъ вечеромъ достигли мы, наконецъ, мѣста нашего назначенія. Поѣздъ, пыхтя и гремя, подкатилъ къ ярко освѣщенной платформѣ вокзала обычнаго типа средней руки городовъ.

Пока производилась безконечно долгая разгрузка нашего поѣзда, пока спускали съ платформы повозки и фуры съ ярко алѣвшимъ въ свѣтѣ электрическихъ фонарей знакомъ Краснаго Креста, пока разбирали и раскладывали на нихъ ящики съ матеріальною частью и багажъ медицинскаго персонала, мы, слегка вздрагивая, болѣе отъ волненія, чѣмъ отъ легкой ночной прохлады, прохаживались взадъ и впередъ по платформѣ, испытывая благосостояніе оттого, что полъ подъ ногами не качается, что движеніе не связано тѣснотой проходовъ и не слышно навязшаго въ ушахъ равномѣрнаго громыханья поѣзда.

Отъ продолжительной ѣзды всѣхъ слегка шатало. Разговаривать никому не хотѣлось.

Понемногу разсаживались по повозкамъ и, гремя колесами по неровностямъ мостовой, двинулись караваномъ по улицамъ незнакомаго города, по направленію къ площади, гдѣ санитары должны были расположиться бивуакомъ, а врачи и сестры въ гостинницѣ ожидать назначенія и отсылки на позиціи.

Несмотря на поздній часъ, въ городѣ царило оживленіе не то праздничное, не то тревожное.

Множество народу двигалось по улицамъ; останавливались группами, громко разговаривали и жестикулировали.

Окна домовъ слабо свѣтились сквозь шторы и занавѣси.

Гдѣ то очень далеко и глухо гремѣла канонада, первые грозные вѣстники того, что мы доѣхали до той грани, гдѣ слово война облекается въ представленіе простой и грозной дѣйствительности. Было немножко жутко, но отвлекала новизна мѣста, обстановки и впечатлѣній.

III.

Въ гостинницѣ судьба хотѣла, чтобъ мнѣ пришлось раздѣлить комнату съ молоденькой сестрой, той самой, которая на вокзалѣ такъ безмолвно и значительно прощалась со своимъ женихомъ.

Далеко за полночь проговорили мы съ милой дѣвушкой, чья душа, какъ къ солнцу цвѣтокъ, жадно тянулась къ ласкѣ и участью, а утромъ съ нами случилось приключеніе, само по себѣ незначительное; но оно оказалось впослѣдствіи однимъ изъ звеньевъ человѣческой драмы, въ которую намъ привелось заглянуть.

Мы только что встали и подошли къ окну посмотрѣть на любопытную картину, на обширную площадь, превращенную въ лагерь санитаровъ и бѣлѣвшую раскинутыми палатками, вокругъ которыхъ уже толпился праздный людъ, заинтересованный необычайнымъ зрѣлищемъ.

Скрипъ двери за нашими спинами заставилъ насъ оглянуться. На порогѣ стоялъ невысокаго роста бѣлокурый офицеръ, видимо призванный изъ запаса, въ формѣ прапорщика и сконфуженно что то искалъ близорукими глазами.

— Ради Бога простите,—смущенно заговорилъ онъ въ отвѣтъ на наши удивленные взгляды.

— Я ошибся номеромъ... Знаете, въ этихъ корридорахъ такъ легко заблудиться...—онъ растерянно улыбался, краска постепенно заливала его лицо и шею. Онъ мялся и словно забылъ уйти.

Мы ждали.

— Удивительное дѣло, сестрицы,—заговорилъ послѣ паузы нашъ посѣтитель,—съ самаго отъѣзда изъ Петербурга со мной происходитъ что то необыкновенное: я всюду и все забываю. Въ поѣздѣ я терялъ нѣсколько разъ очки, платки, саквояжъ, ухитрился даже потерять подушку, а сегодня, какъ видите, дошелъ до того, что, какъ классическіе пошехонцы, между трехъ сосенъ заблудился въ корридорѣ гостиницы.—Офицеръ какъ то сухо засмѣялся однѣми губами. Руки его слегка вздрагивали. Онъ повернулся къ выходу.

— Ну я пойду, сестрица... И вѣдь представьте себѣ, я даже сейчасъ хорошенько не помню, куда идти.

Дверь затворилась, и мы остались, на нѣсколько мгновеній нѣсколько сбитыя съ толку только что видѣннымъ.

На третій день лихорадочнаго ожиданья пришло, наконецъ, желанное приказаніе выступать впередъ.

Прискакалъ верховой отъ начальника дивизіи

съ требованіемъ санитарнаго отряда. Всѣ разомъ ожили, засуетились, заспѣшили.

На площади одна за другой исчезали палатки, уложенныя въ повозки. Какъ по волшебству растаялъ игрушечный поселокъ съ той же быстротой, съ какой онъ создался.

Въ тотъ моментъ, когда я усаживалась въ одну изъ повозокъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ и моей молодой подругой Анной Николаевной Мосиной, къ намъ подошла немолодая уже, бѣдно одѣтая женщина со слѣдами недавнихъ слезъ на утомленномъ лицѣ, и робко попросила, протягивая синій конвертъ.

— Сдѣлайте милость, сестрица, возьмите письмецо. У меня мужъ на войнѣ и давно не пишетъ. Можетъ быть, мои письма не доходятъ. Почта теперь ненадежна. А здѣсь и имя и полкъ и все написано. Можетъ случиться вамъ встрѣтиться. Такъ передайте, сдѣлайте милость.

Мы пообѣщали сдѣлать, что можемъ. Спрятали письмо, и нашъ достаточно неудобный экипажъ затрясся и загремѣлъ сперва по мощенымъ улицамъ города, потомъ по окраинамъ и, наконецъ, уже ровнѣе покатилъ по пыльнымъ дорогамъ, между безконечными огородами и засѣянными полями.

IV.

Чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ мѣстность становилась пустыннѣе. Стали попадаться обширныя пространства не то вытоптанныхъ, не то покинутыхъ полей, странныя, будто вымершія деревни, жители которыхъ бѣжали передъ надвигающимся бѣдствіемъ войны. Проѣзжали мимо сожженнаго хутора, гдѣ обгорѣлыя деревья безъ листьевъ имѣли какой то неумѣстный осенній видъ, и нелѣпо торчали вверхъ длинныя, черныя трубы пожарища.

Потомъ стали мелькать сожженныя деревни, кое-гдѣ еще дымившіяся.

Грохотъ и выстрѣлы будто двигались къ намъ навстрѣчу, становясь чуть замѣтно ближе и явственнѣе.

Дорога была такая тряская, что повозку бросало изъ стороны въ сторону, какъ челнокъ по волнамъ. Приходилось держаться обѣими руками, чтобы не упасть, и эта необычность обстановки въ другое время могла бы показаться даже забавной.

Солнце палило невыносимо съ раскаленнаго неба, невидимаго за клубами густой ѣдкой пыли, поднятой нашимъ караваномъ.

Было мучительно жарко, въ горлѣ першило, хотѣлось пить, но привалы были коротки и рѣдки.

Живо соскакивали на землю. Разводили костры. Кипятили чай и пили его изъ чего попало, всѣ вмѣстѣ, перекидываясь замѣчаньями, вопросами, дѣлясь новыми впечатлѣніями.

Отдѣльные короткіе эпизоды напоминали пикникъ, чай и закуску на вольномъ воздухѣ, ради собственнаго удовольствія, но вдругъ, какъ отъ мощнаго удара, слабо вздрагивала и будто гудѣла земля, и всѣ притихали передъ напоминаніемъ о дѣйствительности.

Ѣхать становилось труднѣе. Колеса подскакивали черезъ какіе то разбросанные, разбитые и переломанные предметы, черезъ аммуницію и оружіе, напоминавшіе о томъ, что здѣсь недавно проходили полки. Приходилось объѣзжать покинутыя безпорядочно отступившимъ непріятелемъ обозныя фуры, походныя кухни и линейки.

Въ одномъ мѣстѣ, увязнувъ до половины въ глубокой канавѣ, лежалъ на боку громоздскій приведенный въ негодность автомобиль.

Стали появляться и люди. Отдѣльныя странныя человѣческія фигуры, сѣрыя, загорѣлыя, запыленныя, словно опаленныя боевымъ огнемъ Это были легко раненые, уже перевязанные на

пунктѣ, которые пробирались въ тотъ городъ, изъ котораго ѣхали мы. И жутко было подумать, что этимъ уставшимъ и больнымъ людямъ предстоитъ совершить пѣшкомъ, подъ жгучими лучами безпощаднаго солнца, весь длинный путь, которымъ только что проѣхалъ нашъ отрядъ.

Большинство шло медленно и покорно, не поднимая головы, нѣкоторые останавливались у края дороги, пропуская наши повозки и провожая ихъ долгимъ, равнодушнымъ взглядомъ.

На встрѣчныхъ подводахъ везли тяжело раненыхъ, неподвижно лежавшихъ въ неудобной позѣ на днѣ тряскаго экипажа, съ закрытыми глазами и блѣдными лицами.

Тогда же мы увидали и первыхъ убитыхъ.

Живо вспоминается мнѣ первый попавшійся на глаза трупъ германскаго пѣхотинца. Онъ лежалъ у края дороги лицомъ внизъ, какъ то неестественно подогнувъ сведенныя судорогой смерти ноги, и помню то инстинктивное усиліе, какое я сдѣлала, чтобы обмануть себя, увѣрить въ томъ, что онъ не убитъ, а просто уснулъ или пьянъ. Обманъ удался плохо, и я быстро, крадучись, взглянула на свою сосѣдку, чтобъ угадать ея ощущенія. Сестра Мосина сидѣла прямо и глядѣла передъ собою немигающимъ

взглядомъ. Брови ея были сурово сдвинуты, губы сжаты, и милое юное лицо ея показалось мнѣ постарѣвшимъ на много лѣтъ.

— Ничего, ничего, сестрица. Возьмите нервы въ руки. Въ началѣ страшно, потомъ привыкнете. А назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ,— угадалъ докторъ наше душевное состояніе. Мы нѣсколько натянуто улыбнулись, но звукъ живого человѣческаго голоса подѣйствовалъ успокоительно, а скоро на помощь пришло и драгоцѣнное свойство приспособляемости.

Жуткое чувство понемногу разсѣялось и видъ крови и страданья вызывалъ уже не малодушную слабость, а лишь жгучее, острое желанье облегчить и помочь и досаду на свою безпомощность.

Ѣхавшая впереди повозка остановилась.

— Что такое, что тамъ?

— Случилось что нибудь?— послышались встревоженные вопросы.

Дѣло быстро разъяснилось.

Оказалось, что прямо на дорогѣ сидѣлъ здоровый германскій солдатъ, но подняться на ноги не могъ. Позже оказалось, что несчастный прошелъ съ полкомъ почти безъ отдыха болѣе 50-ти верстъ и свалился отъ усталости, не имѣя

силъ подняться. Обувь его была разорвана, ноги въ крови.

Его подобрали на одну изъ повозокъ.

— Пусть ѣдетъ. Хоть отдохнетъ.

— Ну и ну, не жалѣетъ Вильгельмъ свою гвардію. На выносливость, чертъ его возьми, тренируетъ.—Съ какой то досадой уронилъ докторъ, когда инцидентъ съ нѣмцемъ былъ исчерпанъ и нашъ поѣздъ двинулся дальше.

Вскорѣ послѣ этого, на далекой опушкѣ небольшого лѣска, рельефно выдѣляясь на темномъ фонѣ листвы, показался высокій шестъ съ рѣющимъ на немъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ.

Это былъ пунктъ, конечная цѣль нашего далекаго путешествія.

Помню охватившее меня чувство умиленья и желанье склонить голову передъ прекраснымъ знаменемъ милосердія, подъ сѣнью котораго собиралась сражаться я, маленькій незамѣтный рядовой великой арміи.

V.

Пунктъ развертывался быстро и энергично.

Раскинули громадный восьмиугольный шатеръ

госпиталя, распаковали снятые съ повозокъ ящики съ перевязочными матерьялами, инструментами и аптекой. Торопливо раскладывали по сортамъ и мѣстамъ.

Какъ то сразу закипѣла новая жизнь, засасывая, захватывая въ свой могучій потокъ. Быстро и ослѣпительно вступило въ сознаніе, что съ этого момента я не та прежняя женщина, которая жила, страдала и радовалась до этой минуты, что начинается нѣчто другое, что у меня нѣтъ прежняго имени, я — „сестра", новый человѣкъ съ иными чѣмъ прежде интересами, печалями и радостями.

Скоро, какъ птицы въ гнѣздо, стали слетаться на пунктъ и раненые.

Одни приходили сами, другихъ приводили подъ руки или приносили на сложенныхъ винтовкахъ свои же товарищи. Вокругъ палатки закипѣла работа.

Мимо меня промелькнула характерная, кругленькая фигура доктора С., уже облеченнаго въ халатъ, забрызганный алыми пятнами.

Благодушный весельчакъ докторъ былъ неузнаваемъ. Движенья его были точны и проворны, взглядъ сосредоточенъ почти до строгости, голосъ звучалъ твердо и сухо, и даже

безпрестанно сползавшіе съ курносаго носа очки не наводили на улыбку.

Впрочемъ, наблюдать было некогда.

Зовущіе, просящіе, настойчивые голоса слышались со всѣхъ сторонъ.

— Сестрица, водички бы испить.

— Помогите повернуться, сестрица голубушка.

— Приподняться хочется, сестрица.

Представленіе о времени куда то пропало.

Забывалась необходимость подкрѣпиться пищей и, когда одна изъ сестеръ принесла на мою долю стаканъ чаю и сухарей, я почти удивилась собственному аппетиту и тутъ же заодно замѣтила, что тѣни отъ лѣса стали длиннѣе, воздухъ холодѣетъ отъ вечерней сырости и далекій закатъ заревомъ догораетъ на краю неба, окрашивая въ золото тонкія, перистыя облачка.

Приходившіе раненые приносили извѣстія съ поля сраженія, перехватываемыя на лету, съ жадностью и нетерпѣньемъ.

— Охъ, братцы, и жарко тамъ.

— Т. е. чистая баня, только вѣника не хватаетъ...

— Ну, а нѣмцу то каково?—спрашивали ближайшіе изъ служителей.

— Нѣмца, нечего сказать, здорово лупятъ. Ну

только и много же у нихъ этого войска, шутъ ихъ возьми: лѣзутъ и лѣзутъ, лѣзутъ и лѣзутъ, что твои тараканы изъ щелей...

Наступила ночь. Моя первая ночь на позиціяхъ.

Лента печальнаго шествія не прерывалась, попрежнему раздавались короткіе, повелительные выкрики:

— Ваты. Пинцетъ. Бинтъ.

Алая окраска не слиняла съ потемнѣвшаго неба, только стала она болѣе интенсивной и яркой и замѣтнѣе стали вспышки болѣе свѣтлаго пламени, сопутствуемыя ревомъ орудій.

Сражающіеся не знали усталости...

Кое-кто изъ санитаровъ сдѣлалъ попытку пробраться съ носилками въ самый огонь, но эта попытка не удалась. Раздосадованные и огорченные люди возвратились, не дойдя до мѣста, а когда имъ на смѣну вызвались идти другіе, докторъ, ввиду слишкомъ большой и очевидной опасности, запротестовалъ съ непривычнымъ для него жаромъ и страстностью.

Приходилось ограничиваться подачей помощи прибывавшимъ на перевязочный пунктъ. Но дѣла и безъ того было достаточно.

Только подъ утро, съ больной головой и разбитыми ногами, я на часокъ задремала, свернув-

шись въ углу палатки, и этотъ короткій отдыхъ послужилъ мнѣ нагляднымъ урокомъ и доказательствомъ того, что на войнѣ надо забыть узаконенныя, вошедшія въ обиходъ обывательской жизни правила о томъ, что по ночамъ надо ложиться и спать и что послѣ работы необходимъ отдыхъ для возстановленія потраченныхъ силъ.

На войнѣ надо оставаться на своемъ посту, пока не свалитъ съ ногъ утомленіе: короткая, безпокойная дремота только разнѣживаетъ и разслабляетъ.

Бой шелъ безъ перерыва трое сутокъ. Поле дѣйствія постепенно расширялось и передвигалось, такъ что нашъ пунктъ оказался отрѣзаннымъ отъ города, эвакуировать раненыхъ стало невозможно. Количество ихъ все увеличивалось.

Обширное пространство вокругъ палатки госпиталя кишмя кишѣло людьми, сидѣвшими и лежавшими на носилкахъ, на шинеляхъ и просто на землѣ, неподвижныхъ и старавшихся мучительно и съ трудомъ придать сколько нибудь сносное положеніе страдающему тѣлу.

Растоптанная трава словно причудливыми и зловѣщими цвѣтами пестрѣла испачканными въ крови, брошенными тряпками и клочками ваты.

Поражала насъ всѣхъ, еще новичковъ въ

дѣлѣ, изумительная кротость, незлобивость и терпѣнье нашихъ „сѣрыхъ героевъ“.

Раненый врагъ для нихъ уже не врагъ, а человѣкъ, такой же страдающій, какъ они сами, жалкій и „болѣзный“.

Подъ вечеръ второго же дня моего пребыванія на позиціяхъ произошелъ небольшой, но значительный въ этомъ смыслѣ эпизодъ.

Вечеръ выдался дождливый, облачный и холодный, съ рѣзкимъ вѣтромъ, яростно трепавшимъ покорныя курчавыя головы деревьевъ, словно силясь увѣрить кого-то, что сразу, безъ постепеннаго перехода, кончилось знойное лѣто и уступило мѣсто осени.

Со дна сырой котловины, на краю которой былъ расположенъ нашъ пунктъ, поднимался густой, бѣлый и липкій туманъ, странно измѣнявшій очертанья предметовъ, заглушавшій звуки, какъ будто стѣснявшій самыя движенья.

Отвыкшіе отъ холода, избалованные жаркими днями, люди дрожали, болѣзненно морщились, натягивая на плечи влажныя и жесткія шинели, Все чаще и чаще раздавались голоса, просившіе погрѣться чайкомъ или цыгаркой.

— Сестрица! напойте чайкомъ, ради Бога, иззябъ.

— Холодно, сестрица, погрѣться бы!

— Сами то, поди, прозябли, сестрица,—ласково и негромко вздохнулъ маленькій рябой солдатикъ, возвращая опорожненную кружку.

Сердечный тонъ голоса сладкой музыкой коснулся напряженныхъ нервовъ, и мелкія пріятныя слезы сами собой набѣжали на глаза.

— Ничего, ничего, крѣпитесь, сестрица,—подоспѣлъ вездѣсущій С.,—это только начало... Онъ не договорилъ своего утѣшенія.

Среди легко раненыхъ солдатъ произошло движенье, группа ихъ разступилась и передъ нами предстала высокая фигура нѣмца въ синемъ мундирѣ, съ окровавленнымъ плечомъ и растерянным видомъ человѣка, не знающаго, какъ выпутаться изъ неожиданнаго непріятнаго положенія.

Видимо, онъ заблудился въ туманѣ, попалъ на нашъ пунктъ вмѣсто своего и ничего такъ не хотѣлъ, какъ убѣжать.

Глаза его бѣгали подозрительно и злобно по лицамъ кольцомъ обступившихъ его солдатъ, а рука нерѣшительно и нервно то пряталась, то высовывалась изъ кармана.

Онъ боялся малѣйшимъ невѣрнымъ движеніемъ навлечь на себя гнѣвъ преобладавшаго численностью „непріятеля“.

А „непріятель“ былъ настроенъ самымъ мирнымъ и радушнымъ образомъ.

— Вотъ, вѣдь, ваше в-родіе, нѣмецъ то къ намъ вродѣ какъ въ гости забѣгъ. Надо бы его перевязать. Поди тоже и ему больно,—обратился къ доктору молодой круглолицый солдатъ, со щекъ котораго даже труды и лишенія похода не согнали здороваго, широкаго деревенскаго румянца.

— А и труса же енъ празднуетъ, братцы. Стоитъ сердешный и ждетъ, когда мы его замѣсто селедки ѣсть начнемъ.

— Ты не бойсь, нѣмецъ. Мы и сами народъ увѣчный, тоже кое-что понимаемъ.

Говорившій для убѣдительности коснулся локтя нѣмца.

И тутъ произошло нѣчто до того нелѣпое, безсмысленное и быстрое, что всѣ на мгновеніе остолбенѣли отъ неожиданности.

Въ рукѣ нѣмца блеснулъ револьверъ, ловко перехваченный во-время замѣтившимъ движеніе раненаго докторомъ, выстрѣлъ грянулъ куда-то далеко въ сторону, а самъ онъ остался неподвиженъ и одинокъ среди разступившихся людей.

— Свинья ты, братецъ, свинья возмущенно убѣдительно заговорилъ Алексѣй Петровичъ,

останавливаясь противъ солдата и укоризненно качая головой едва доходившей до плеча нѣмца.

— Свинья и есть, ваше в-родіе, послышался сочувствующій голосъ.

— Да еще нѣмецкая скотина.

— Человѣкъ къ нему съ хорошимъ разговоромъ, а онъ на него съ револьвертомъ.

— Что же съ тобой теперь по вашимъ, по нѣмецкимъ законамъ дѣлать полагается?

— А?

Наступали со всѣхъ сторонъ.

— Да, може, онъ съ перепугу, ребята...—робко вступился румяный паренекъ.

— А, извѣстно, съ перепугу.

— Вишь, трясется весь. Чайкомъ бы его погрѣть, сестрица.

И уже заботливыя руки протягивали недавнему злоумышленнику чай въ кружкѣ и хлѣбъ.

Подошедшій санитаръ разстегивалъ его мундиръ.

Началась перевязка.

Нѣмецъ сидѣлъ неподвижно и прямо, только голову поворачивалъ направо и налѣво. Страхъ и злоба его гасли, а на губахъ постепенно расцвѣтала свѣтлая, радостная, человѣческая улыбка.

И у всѣхъ насъ окружающихъ, усталыхъ, го-

лодныхъ и прозябшихъ было тепло и радостно на душѣ, точно на нашемъ маленькомъ островѣ въ океанѣ страданья, горя, слезъ, крови и ужаса былъ праздникъ, большой и свѣтлый праздникъ побѣды добра и прощенія надъ темными чарами злобы.

Человѣческому сердцу становится дорогъ и близокъ тотъ, кого оно пожалѣло. Нѣмецъ пріобрѣлъ даже популярность среди нашихъ раненыхъ.

Рана его оказалась изъ легкихъ. Послѣ перевязки ему сразу полегчало, и, когда я, немного времени спустя, проходила мимо, онъ сидѣлъ на корточкахъ около носилокъ, на которыхъ протянулся раненый въ ногу солдатъ, и раскуривалъ о его цыгарку предложенную кѣмъ то крѣпкую и пахучую „козью ножку“. Около него стоялъ его недавній заступникъ, румяный солдатикъ, и съ любопытствомъ разспрашивалъ нѣмца о какихъ то подробностяхъ его обмундированія.

Объяснялись они на какомъ то, совершенно непонятномъ для меня волапюкѣ, но, судя по ихъ улыбкамъ, кивкамъ и жестикуляціи, переговоры шли успѣшно, и нѣмецъ, наученный опытомъ, безстрашно допускалъ прикосновенія къ своимъ погонамъ, пуговицамъ и сумкѣ.

VI.

Въ эту ночь дѣло было особенно жаркое. Звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ сливались въ общій устрашающій гулъ.

Были явственно слышны взрывы лопавшейся шрапнели, по крупнымъ завиткамъ облаковъ и печальной глади земли рыскали лучи прожекторовъ. Точно чудовищный фейерверкъ, разсыпались вдали огненные фонтаны.

Безсонница давала себя знать. Сознаніе двоилось; пока руки дѣлали привычное дѣло, другая часть мозга работала съ лихорадочнымъ напряженіемъ и, поощряемая внѣшними впечатлѣніями, переносила происходившее въ какую то сказочную область.

Одинъ изъ нашихъ санитаровъ не выдержалъ того, что считалъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Онъ съ вечера, крадучись отъ доктора, убѣжалъ съ пункта и, дойдя до самой линіи огня, засѣлъ въ ямѣ, образовавшейся отъ взрыва нѣмецкаго „чемодана“, вооружившись предварительно кое-какими необходимыми перевязочными и укрѣпляющими средствами.

Къ герою-санитару стекались раненые, направлявшіеся на перевязочный пунктъ. Онъ

облегчалъ ихъ страданія. Удерживалъ болѣе слабыхъ около себя, направлялъ другихъ, подкрѣпившихся и отдохнувшихъ, къ пункту.

На разсвѣтѣ двое легко раненыхъ принесли на шинели того, кто успѣлъ облегчить ихъ страданія. Бѣдняга былъ тяжело раненъ осколкомъ шального снаряда, залетѣвшаго въ его убѣжище и убившаго на повалъ двухъ его паціентовъ.

Голова его, окровавленная, со слипшимися волосами, тяжело закинулась назадъ.

— Вотъ что значитъ дѣйствовать въ свою голову. Эхъ! Не люблю я этихъ напрасныхъ жертвъ!—Какъ будто безъ нихъ мало горя. Ворчалъ, болѣзненно морщась, осматривавшій страдальца докторъ. Принесшіе раненаго солдаты чуть не плакали.

— Такъ жалко сѣнотора (санитара) бѣднягу, такъ жалко! За что пропадаетъ, спрашивается? За то, что людей облегчалъ.

— Мы подождемъ, подождемъ, сестрица. Съ имъ раньше управьтесь. Лишь бы живъ то остался.

Остался ли живъ санитаръ, я не знаю. Когда черезъ нѣсколько часовъ отступившій непріятель очистилъ дорогу къ городу и началась эвакуація раненыхъ, я въ хлопотахъ не видала,

что съ нимъ стало, а тамъ скоро прибыла наша смѣна, вмѣстѣ съ приказаніемъ нашему отряду перемѣститься въ село М.

Наше новое мѣстопребываніе обѣщало быть гораздо пріятнѣе предыдущаго.

Самое слово „село“ обольщало перспективой ночевки въ закрытомъ помѣщеніи подъ крышей и, можетъ быть—верхъ благосостоянія—на чемъ нибудь болѣе мягкомъ, чѣмъ сырая, холодная земля.

Къ тому же, какъ узнали тотчасъ по прибытіи, и работа предстояла менѣе трудная ввиду того, что открытаго боя не было, и полки наши уже нѣсколько дней сидѣли въ окопахъ всего въ 200-300 шагахъ отъ непріятельскихъ траншей,—и собираются сидѣть долго—какъ шутили сообщившіе эти свѣдѣнія солдаты.

Село было почти все выжжено и разгромлено. Церковь на выгонѣ да вѣтряная мельница съ растопыренными крыльями одиноко возвышались надъ рядами хатъ съ прогорѣвшими и провалившимися крышами, съ безобразными остовами трубъ и выбитыми зіяющими дверями и окнами.

Уцѣлѣвшіе на краю села домики были отведены подъ лазареты и помѣщеніе медицинскаго персонала.

Только войдя въ низенькую хатку, гдѣ подъ

руководствомъ дѣловитой и неутомимой старшей сестры Л—ской, маленькій, шустрый, неизвѣстно откуда вынырнувшій солдатикъ Крамченко уже затоплялъ печь и вставлялъ свѣчу въ огромную выдолбленную рѣпу, я почувствовала, до чего я устала.

Ноги, руки, все тѣло вдругъ отказались служить, возмутившись непосильной работой. Я, какъ была, повалилась на узкую жесткую лавку съ одной мыслью—спать, спать.

Будто издалека, донесся до меня звучный грудной голосъ сестрицы, предлагавшей ужинать. Языкъ не повернулся для отвѣта.

Въ головѣ всплыла послѣднимъ проблескомъ—почти сновидѣнье—картина, видѣнная съ горы, когда мы покидали мѣсто нашего прежняго расположенія. Обширная поляна на опушкѣ лѣса, вся пестрѣющая невѣдомыми алыми цвѣтами...

Потомъ все смѣшалось. Теплая глухая завѣса сна задернула сознаніе.

VII.

Въ селѣ М. намъ привелось познакомиться съ мирными жителями, которыхъ война лишила крова и пищи.

Большинство этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ тяжелаго времени, успѣли уйти или уѣхать, но старики, больные или просто не захотѣвшіе даже при приближеніи опасности покинуть насиженныя гнѣзда, укрылись въ погреба или просто въ выкопанныя на огородѣ ямы, гдѣ пережидали военную бурю, разоренье своихъ жилищъ, питаясь чѣмъ попало и выползая, какъ кроты, только ночью.

Нѣкоторые изъ нихъ повадились ходить за пищей въ нашъ госпиталь

Только, бывало, смеркнется, крадутся по пустынной улицѣ села одинокія робкія тѣни.

— Идутъ наши нахлѣбники...—шутили санитары и весело улыбались.

Эти посѣщенія приносили извѣстное разнообразіе въ нашу тяжелую жизнь оторванныхъ отъ міра людей. Любили ихъ и легко раненые, на которыхъ наши гости смотрѣли съ особымъ, почти невольнымъ, почти благоговѣйнымъ восхищеньемъ.

Уходившіе передавали ихъ на попеченье вновь прибывающихъ. Всѣ заботились, чтобы ихъ не обдѣлить, не обидѣть.

Между крестьянами попадались интересные типы.

Одного изъ нихъ солдатики прозвали „картофель“.

Это былъ древній, сѣдой, какъ лунь, прямой и весь высохшій старикъ. Спина его еще не сгибалась подъ тяжестью лѣтъ, ходилъ онъ твердо, крѣпко постукивая о землю высокимъ бѣлымъ посохомъ, придававшимъ ему видъ библейскаго старца, но его голубые глаза совсѣмъ выцвѣли, а изъ безсвязныхъ, длинныхъ, шамкающихъ рѣчей можно было разобрать одно только слово „картофель“.

Трудно было понять, что оно означало. Связалось ли въ слабѣющей головѣ старика со словомъ картофель понятіе о минувшемъ благосостояньи или о голодѣ, или просто по какимъ то необъяснимымъ законамъ логики единственное воспоминаніе, сохранившееся въ мозгу, относилось къ незатѣйливому овощу.

Онъ приходилъ, дѣловито получалъ свою порцію и тотчасъ же уходилъ, прямой и строгій, не отвѣчая на вопросы, не наклоняя головы, глядя на всѣхъ насъ съ величіемъ патріарха.

— Вишь ты, важный „картофель“—добродушно посмѣивались солдатики.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ крестьянинъ Адамъ, общій нашъ любимецъ и баловень.

Этотъ любилъ посидѣть и покалякать на

русско-польскомъ діалектѣ, не обидно позлословить съ ранеными на счетъ насолившаго и тому и другимъ „пакостника“ нѣмца. Адама поджидали каждый вечеръ. Привѣтствовали оживленно и радушно.

— Здорово, братъ, Адамушка!

— Проголодался, сердечный?

— Эхъ кабы тебя, Адамушка, да на нашу сторону. Человѣкъ то ты хорошій. Что тебѣ здѣся, какъ воронѣ на падали сидѣть. Открылъ бы гдѣ ни есть въ провинціи торговлю. Пожалуй, ребята, папиросами бы ему, къ примѣру, торговать. Пошло бы у его дѣло?—Разсуждали солдатики.

По моему личному мнѣнію, торговое дѣло несомнѣнно должно было пойти у Адама. Данныя къ тому у него были въ видѣ бережливости и расчетливости, играющихъ, какъ извѣстно, въ коммерціи немаловажную роль: никогда не случалось ему поддаться искушенью съѣсть до конца предложенный ему кусокъ, и всегда хватало мужества припрятать часть подъ одежду. А такъ какъ однажды испортившаяся погода такъ и не направилася и дни стояли сплошь пасмурные и ненастные, то костюмъ Адама былъ постоянно влаженъ, и онъ имѣлъ удовольствіе доѣдать свою пищу подъ соусомъ.

Вечера становились замѣтно темнѣе и длиннѣе. Съ каждымъ днемъ чувствительнѣе дѣлалось приближеніе осени.

Приходившіе изъ окоповъ на перевязочный пунктъ солдаты разсказывали забавныя и характерныя черточки изъ необычной жизни, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

— Засѣлъ, нѣмецкій чертъ, и никакихъ. Быдто дома на деревнѣ живетъ, только вотъ горячей пищи нѣту. И впрямь, побалуемся стрѣльбой, а тамъ пообѣдаемъ, и енъ обѣдаетъ. Высунется изъ за бруствера, колбасникъ, и къ намъ заглядываетъ, стрѣльнетъ по намъ, опять уши спрячетъ. И на войну то непохоже.

Непріятнѣе всего была пронизывающая сырость, мелкіе, продолжительные, упорные дожди, забиравшіеся холодными струями за воротники и въ рукава и въ каждую складку одежды. Земля въ окопахъ пропиталась водой и уже не принимала въ себя влаги. Задремавшій съ вечера нерѣдко просыпался немного спустя въ лужѣ скопившейся подъ нимъ воды. Какъ могли, помогали общему горю.

Накладывали камней на дно окопа, а по ночамъ ходили за соломой въ небольшую деревушку, находившуюся почти въ равномъ разстояньи и отъ нашихъ, и отъ нѣмецкихъ траншей.

Нѣмцы, видимо, страдавшіе отъ непогоды не менѣе нашихъ солдатъ, со своей стороны предпринимали тѣ же паломничества. Ходили и тѣ, и другіе попросту, по хозяйственному, безъ оружія, стараясь только не встрѣчаться другъ съ другомъ, и, если случалось издали замѣтить синій германскій мундиръ, отворачивались и быстро расходились каждый по своему дѣлу.

VIII.

Пока солдаты скучали и томились безконечнымъ бездѣйствіемъ, передъ которымъ пассовалъ даже неувядаемый здоровый юморъ простого сердцемъ русскаго человѣка, мы обжились и пригрѣлись въ селѣ М.

По вечерамъ, когда выдавалось свободное время, писали письма на родину или—верхъ удачи—съ жаднымъ интересомъ читали случайно попавшійся листокъ старой газеты, съ закруглившимися углами и краями, замусоленными и захватанными прикосновеньями многаго множества давно немытыхъ рукъ.

Надо было видѣть, какъ добросовѣстно, безъ

пропуска, поглощались газетныя статьи, и какія занимательныя сценки разыгрывались во время чтенія.

Сумерки. За низенькими окнами окрестность, будто затянутая сѣрымъ сукномъ. Совсѣмъ сцена изъ военной жизни, поставленная какимъ нибудь режиссеромъ модернистомъ.

На бѣломъ столѣ свѣча все въ томъ же универсальномъ походномъ подсвѣчникѣ—рѣпѣ.

Пламя колеблется отъ движеній и дыханья людей, движутся по потолку длинныя уродливыя тѣни и золотистые отблески вырываютъ изъ сумрака то одну, то другую подробность картины.

На походныхъ кроватяхъ, на лавкахъ и просто на соломѣ, на полу слабо копошатся человѣческія фигуры.

Вокругъ стола группа легко раненыхъ слушаетъ браваго унтеръ-офицера, съ новымъ георгіевскимъ крестикомъ на накинутой на плечи измятой и боевой шинели.

Раненые изъ окоповъ не подходятъ. Работы сейчасъ нѣтъ. Слушатели приходятъ тихонько, стараясь обращать на себя какъ можно меньше вниманія.

Тотчасъ же ближайшіе раздвигаются, очищаютъ мѣсто на лавкѣ, и снова всѣ глаза обращаются къ мѣрно двигающимся, словно жую-

щимъ неподатливую, твердую пищу, губамъ чтеца.

Читаютъ все подрядъ—и передовицу, и телеграммы, и фельетонъ. То и дѣло повторяющееся слово „война" заставляетъ каждый разъ насторожиться.

— Вишь ты, какъ ловко пишетъ. И какъ это онъ все пронюхалъ! Мы вотъ, кажись, и ближе, а ничего то такого не слышимъ—вполголоса роняетъ мой сосѣдъ вихрастый, какой то „взъерошенный" солдатикъ, неизвѣстно почему напоминавшій мнѣ одну изъ маленькихъ, невзрачныхъ, но выносливыхъ и вѣрныхъ казацкихъ лошадей.

Голосъ унтера жужжитъ низко, мѣрно и однотонно и, кажется, будто въ комнату дачнаго домика залетѣлъ изъ солнечнаго сада большой шмель и бьется между стекломъ и бѣлой кисеей занавѣски.

Слова постепенно теряютъ свой смыслъ, мысли улетаютъ далеко, далеко отъ убогой хаты, отъ страдающихъ людей, отъ далекихъ, прислушавшихся звуковъ выстрѣловъ, назадъ къ покинутымъ, милымъ, отъ которыхъ не доходитъ даже вѣсточки. По ассоціаціи представляется лѣто, золотой на солнцѣ пляжъ, голенькія дѣти.

Жужжитъ залетѣвшій въ комнату шмель...

Поднявшийся говоръ многихъ голосовъ возвращаетъ меня къ дѣйствительности.

— Лихо написано! Дѣло свое, видимо, до тонкостей знаетъ.—Авторитетно говоритъ унтеръ, хлопая ладонью по только что дочитанному, аккуратно сложенному печатному листку.

— Про нѣмца тоже правильно, хоша и деликатно, однако, здорово писано,—соглашается одинъ изъ слушателей.

— Еще бы тебѣ не деликатно.

По господски, одно слово,—вставляетъ другой.

— Такъ то оно такъ, братцы—покрываетъ прочіе голоса неожиданно звонкій теноръ вихрастаго солдатика,—а только я вотъ слухаю, слухаю, а въ толкъ не возьму. Быдто какъ про насъ писано, а быдто и не про насъ.

— То есть, какъ это не про насъ?—

Строго наморщился чтецъ, обижаясь за всю газетную статью.

— А такъ,—расхрабрился противникъ, не опуская глазъ передъ насупившимся унтеромъ.

— Возьмемъ, къ примѣру, меня.

Кто такой я есть? Рядовой 4-ой роты Иванъ Рыжиковъ. Такъ я про себя понимаю.

А енъ, писатель то, и „сѣрые герои“, и „чудо богатыри“, такъ нешто-жъ это про меня?

Говорившій умолкъ и обвелъ аудиторію не то

вопрошающимъ, не то торжествующимъ взглядомъ.

Всѣ примолкли, подавленные вѣскимъ аргументомъ, потерявъ подъ ногами почву.

— Эхъ ты,—первый сообразилъ унтеръ-офицеръ. Туда же, разсуждаетъ, дурья голова! Коли ты рядовой, такъ рядовой и есть, а ирои, это про господъ офицеровъ сказано.

— Понялъ, деревенщина?

Надъ пристыженной „деревенщиной“ безобидно посмѣялись и разошлись довольные.

Милыя, безхитростныя, большія дѣти, не сознающія, сколько героизма, сколько душевной свѣжести и красоты въ самомъ ихъ скромномъ невѣдѣньи!

Съ душой, умиленной и открытой, я подошла къ только что окончившему чтеніе и, желая сказать ему что нибудь хорошее, спросила, указывая на украшавшій его грудь крестикъ на черно-желтой ленточкѣ.

— Ну, а ты самъ то развѣ же не герой?

— Такъ точно, сестрица,—серьезно отвѣчалъ онъ,—я тоже ирой. Потому, какъ меня Государь Императоръ Монаршей Милостью пожаловалъ.

А солдатскія письма!

Вотъ копіи съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сдѣлан-

ныя наскоро, какъ пришлось, на клочкахъ и обрывкахъ бумаги.

Я перебираю ихъ на моемъ письменномъ столѣ, эти простые и значительные человѣческіе документы, и одна за другой встаютъ передъ мысленнымъ взоромъ, какъ живыя, фигуры тѣхъ, подъ чью диктовку они написаны.

— Любезная супруга наша Анна Матвѣевна,— начинается одно изъ нихъ. Шлю вамъ изъ похода свой низкій поклонъ и желаю отъ Господа Бога здоровья и всякаго благополучія. Еще кланяюсь сыну моему Митрію Ефимовичу и Миколаю Ефимовичу.—Вы такъ и пишите, сестрица, Миколаю и Митрію, оно не по городскому, да по городскому то онѣ не поймутъ. Народъ то все больно безтолковый остался,—вставилъ примѣчаніе авторъ.

— Еще кланяюсь дяденькѣ Петру, сестрицѣ Аннѣ Кузминичнѣ и т. д., слѣдовалъ перечень именъ.

— А живемъ мы, слава Богу, не худо. И подвигаемся все дальше, такъ что скоро дойдемъ и до нѣмецкой страны, если Господь Богъ захочетъ. На счетъ пищи, конечно, плохо, сколько денъ просидѣли въ окопахъ безъ горячаго, на однихъ сухаряхъ да сырой капустѣ, потому какъ

огня въ окопахъ разводить не разрѣшается. Впрочемъ, это дѣло военное.

Случалось мнѣ быть въ сраженіяхъ подъ селомъ М. и у деревни З., но одначе хранилъ меня Богъ и пребываю живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю, а только оторвало мнѣ шрапнелью три пальца и работникъ я нонѣ плохой.

А потому береги, Аннушка, пуще всего сыновей нашихъ Миколушку и Митьку, а также коровушку, что по веснѣ хворала.

Рядовой—полка—роты. Такой то.

А вотъ другой образчикъ.

— Любезная матушка, во первыхъ строкахъ моего письма извѣщаю васъ, что находимся мы сейчасъ въ селѣ М. въ лазаретѣ, пока не отправили въ городъ, потому какъ раздробило мнѣ снарядомъ правую ногу по самое колѣно, и очень мнѣ тяжело подумать, что сынъ вашъ нонѣ калѣка и захотите ли вы его видѣть безногаго. Отпишите, матушка, про себя вѣсточку, а также про Марьянушку. Скажите ей, маменька, что я про себя знаю, какой я теперь есть, и ее загубить не захочу.

Вотъ два письма, взятыя на удачу. Больше не надо. Сердце сжимается отъ жалости и къ Митькѣ, и къ Миколушкѣ, и къ Марьянушкѣ, и ея суженому.

IX.

Въ воскресенье пріѣзжалъ на пунктъ священникъ N-скаго полка. Пожилой, съ тонкими сжатыми губами и строгимъ выраженіемъ на смугломъ лицѣ иконописнаго типа.

Онъ утѣшалъ и напутствовалъ тяжело раненыхъ, говорилъ другимъ вѣчныя, простыя и могучія, словно изъ желѣза выкованныя слова, и медленно и широко осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ покорно склонившіяся, какъ поле ржи подъ дуновеніемъ вѣтра, одноцвѣтныя солдатскія головы.

Не успѣло послѣ отъѣзда батюшки разсѣяться создавшееся нѣсколько празднично приподнятое настроеніе, какъ группами и въ одиночку стали появляться все новые и новые раненые.

Отдаленные отзвуки битвы стали слышны яснѣе.

Видимо, тамъ у окоповъ, наконецъ, разыгралось такъ упорно не разгоравшееся сраженіе, и отраженіемъ его оживился нашъ пунктъ.

„Отсидѣвшіеся“, по ихъ собственному выраженію, солдаты обрадовались возможности согрѣться и развернуться. Съ громовыми криками „ура“ перебѣжали небольшое разстояніе, отдѣ-

лявшее ихъ отъ нѣмцевъ, ворвались въ непріятельскіе окопы и дружнымъ натискомъ выбили непріятеля и обратили въ безпорядочное бѣгство.

— И-ихъ, стрекача задалъ нѣмчура...

— Ничего, пущай побѣгаетъ, чай и онъ зазябъ, сидѣвши то—комментировали, нѣсколько оправившись послѣ перевязки, принесшіе радостную вѣсть раненые.

Въ это время подошла съ носилками первая партія уже возвратившихся съ поля дѣйствія санитаровъ.

Принесли тяжело раненаго въ животъ прапорщика.

Лицо его было покрыто какимъ то сѣрымъ налетомъ неживой блѣдности, желтыя, какъ воскъ, руки лежали тяжело и неподвижно и, ничего не видя, смотрѣли вверхъ свѣтлые, выпуклые близорукіе глаза.

Одинъ взглядъ въ эти глаза и я съ содроганіемъ поняла происхожденіе той муки и безпокойства, которыя не покидали меня съ момента прибытія этого человѣка.

Лицо его было мнѣ знакомо. Я его видѣла раньше и теперь я знала, гдѣ и когда это было.

Это онъ зашелъ въ нашу комнату въ гостиницѣ и объяснялъ смущенно, мигая теперь не-

подвижными глазами, что „онъ заблудился“, что онъ „все забываетъ“.

Привела таки судьба встрѣтиться, словно пожелавъ на мгновеніе показать безпомощнымъ, дрожащимъ существамъ свое непроницаемое лицо.

Я взглядомъ спросила наклонившагося надъ страдальцемъ доктора. Алексѣй Петровичъ отвернулся и сердито отеръ запачканныя кровью руки, но въ его молчаніи былъ приговоръ и, наученная за послѣднее время покорности передъ высшей сверхчеловѣческой справедливостью, я перешла къ другимъ несчастнымъ, ожидавшимъ помощи и утѣшенія.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось впервые побывать въ германскихъ окопахъ.

Нечего сказать, не безъ комфорта устроились наши противники. Ихъ траншеи—это цѣлый лабиринтъ, цѣлая сложная система вырытыхъ въ землѣ корридоровъ, закоулковъ, землянокъ и тупиковъ.

Въ офицерскихъ прикрытіяхъ полъ оказался устланнымъ досками, поверхъ которыхъ кое-гдѣ были еще положены ковры. Повсюду походныя кровати, сборная мебель, награбленная въ тѣхъ самыхъ усадьбахъ, которыя такъ скоро и весело горѣли, далеко озаряя окрестность пурпурнымъ

заревомъ. На столахъ—бутылки изъ подъ вина, фарфоръ и хрусталь рядомъ съ грубыми солдатскими кружками.

На жирныхъ тарелкахъ какіе-то объѣдки, пробки, окурки сигаръ.

Въ одной изъ землянокъ мое вниманіе обратилъ на себя брошенный, опрокинутый высокій дѣтскій стуликъ.

Присутствіе этого нѣмого свидѣтеля только что разыгравшагося кроваваго эпизода войны смущало, какъ смутило бы присутствіе самого его маленькаго хозяина, и дѣлало еще болѣе чудовищными и ужасными цѣлыя полчища переполнившихъ траншеи мертвецовъ.

Это было жуткое зрѣлище. Какой-то мертвый городъ, обитатели котораго окаменѣли въ самыхъ неожиданныхъ позахъ подъ дѣйствіемъ пронесшагося смертоноснаго урагана.

Одни лежали, откинувшись на спину, другіе, уткнувшись лицомъ въ землю. Смѣшались, невѣдомо кому принадлежащія, руки и ноги. Многіе сидѣли въ положеніи живыхъ людей, опираясь на брустверъ или на заднюю стѣну окопа. Но самые страшныя были тѣ, которые не упали, а стояли плечо къ плечу, съ винтовками въ рукахъ и открытыми остеклѣвшими глазами, со

спокойствіемъ небытія слушая зловѣщіе крики носившихся надъ ихъ головами воронъ.

Впрочемъ, есть извѣстный предѣлъ, достигнувъ котораго человѣческая мысль уже не можетъ воспринять болѣе ужаснаго, какъ намокшая губка не всасываетъ больше воды. Мысль это, кажется, не моя, но помню, что только во время пребыванія въ закоулкахъ германскихъ окоповъ я сознала всю ея глубину и изумилась тому, какъ вѣрно понялъ человѣкъ, высказавшій ее, капризную и многогранную человѣческую природу.

Мы просто, аккуратно и дѣловито исполняли нашу работу, только изрѣдка перекидываясь необходимыми короткими словами.

— Носилки!..

— Помогите, сестрица, придержите голову...

— Сюда, пожалуйста...

И опять—носилки...

Въ одномъ мѣстѣ наткнулись на странную группу.

Схватившіеся въ рукопашную русскій и нѣмецкій солдатъ были убиты наповалъ разорвавшимся около нихъ снарядомъ. Такъ они и лежали, сжавъ другъ друга въ объятіяхъ, недавніе враги, примиренные величавою смертью.

Наступилъ вечеръ. Низкія, сѣрыя тучи ползли

надъ разрытымъ снарядами когда то вспаханнымъ полемъ. Шелъ дождь, отнимая послѣднюю надежду на возвратъ теплыхъ дней.

Въ рукахъ санитаровъ засвѣтились электрическіе фонарики, казавшіеся въ туманѣ желтыми, расплывчатыми, движущимися кружочками.

Кое-кто уже возвращалси къ пункту.

— И намъ бы итти, сестрица, больно ужъ темно становится. Ни зги не видно,—раздался за моей спиной голосъ одного изъ сопутствовавшихъ мнѣ санитаровъ.

И вдругъ мнѣ стало такъ страшно оставить здѣсь въ темнотѣ, холодѣ и сырости ненастной осенней ночи кого нибудь изъ несчастныхъ, кому, быть можетъ, мелькнулъ нашъ спасительный огонекъ, обманувъ призракомъ надежды.

— Пожалуйста, пожалуйста, посмотримъ еще немножко—взмолилась я, и, не дожидаясь отвѣта, быстро сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону.

Вдругъ неожиданно совсѣмъ близко отъ меня раздались голоса, незнакомая рѣчь...

— Нѣмцы,—коротко и ясно блеснуло въ умѣ.

Оказалось на самомъ дѣлѣ нѣмецкіе санитары, подбиравшіе своихъ раненыхъ.

Мгновенно припомнились всѣ слышанные разсказы о неистовствахъ „культурныхъ тевтоновъ“. Но отступать было поздно и, поборовъ непріят-

ное чувство, я смѣло вступила въ переговоры съ нѣмецкой сестрицей.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить что по отношенію ко мнѣ нѣмцы были оченч галантны, мы даже обмѣнялись нѣсколькими плѣнными и разошлись съ взаимными поклонами.

И тѣмъ не менѣе инцидентъ съ нѣмцами имѣлъ для меня очень непріятныя, хотя и неожиданныя послѣдствія: я самымъ глупымъ образомъ отбилась отъ своихъ и заблудилась ночью въ полѣ, усѣянномъ мертвыми тѣлами.

Бррръ... это одно изъ самыхъ жуткихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ того труднаго времени!..

Темень. Дождь. Стужа. Подъ ногами какой-то кисель, составъ котораго допускаетъ всякія предположенія, вокругъ нѣмое, но ощутимое каждымъ нервомъ населеніе мертвецовъ и полная невозможность оріентироваться въ незнакомой мѣстности. Первымъ естественнымъ побужденіемъ—было звать на помощь, но было страшно кричать, спугнуть звукомъ голоса что то притаившееся въ темнотѣ и тишинѣ.

Стала бродить наугадъ и бродила бы долго, если-бы взошедшій, наконецъ, мѣсяцъ ни озарилъ своимъ блѣднымъ сіяніемъ извилистую

линію смутно темнѣвшихъ окоповъ, слѣдуя изгибамъ которой, зорко приглядываясь къ каждой замѣченной ранѣе особенности мѣста, я, наконецъ, измученная, продрогшая и натерпѣвшаяся страху, добралась до пункта, какъ до земли обѣтованной.

Въ селѣ же меня ожидала большая радость. Въ мое отсутствіе привезли почту, гдѣ было и на мое имя первое во все время дошедшее по назначенію письмецо, написанное любимой рукою.

Теплыя, ласковыя и заботливыя строки матери и размашистыя каракули сынишки, которыя читаешь не глазами, а сердцемъ.

Потрясенное перипетіями минувшаго дня сердце не выдержало. Я уронила на колѣни скомканный листикъ бумаги и—къ стыду моему—заплакала освѣжающими, благодатными и сладкими, какъ весенній дождь, слезами. Заплакала въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Петрограда.

Что вы, голубчикъ, все ли у васъ благополучно,—участливо коснулась моего плеча одна изъ сестеръ.

Я только молча кивнула головой, указывая на разорванный конвертъ и не находя словъ для отвѣта.

— Ничего, сестрица, это онѣ съ радости.

Пущай поплачутъ. Молоденьки еще...—отвѣтилъ сестрѣ одинъ изъ ближайшихъ раненыхъ. И какую правду, живую и простую, сказалъ этотъ безсознательный философъ.

X.

Снова снялся съ мѣста нашъ отрядъ, исполнивъ въ М. свою миссію.

Опять заскрипѣли и закачались повозки и фуры, покидая пріютившее село, гдѣ мы успѣли обжиться. Было даже немного грустно. Думалось и о бѣднякахъ, лишавшихся съ нашимъ отъѣздомъ и пропитанья и человѣческаго участья, объ Адамѣ и его неосуществившемся предпріятіи, о „картофелѣ“ и о другихъ.

Впрочемъ, съ „картофелемъ“ намъ еще привелось встрѣтиться. Когда наши повозки одна за другой выѣзжали въ концѣ деревенской улицы на выгонъ, на поворотѣ у края глубокой, поросшей лопухами и бурьяномъ канавы, мы увидѣли высокую, библейскую фигуру легко и твердо опирающагося на обычный посохъ старца.

— Картофель, — окликнуло нѣсколько голосовъ.

— Прощай, братъ, бѣдняга.

Старикъ не пошевелился, какъ будто не слышалъ, впалыя губы его шевелились и въ неясномъ бормотаньи въ послѣднiй разъ почудилось слово „картофель“.

Только почудилось: шлепанье лошадей по громаднымъ, какъ озера, лужамъ и скрипъ колесъ заглушали слабый старческiй голосъ, и только одинокая, высокая фигура на краю сожженаго села возвышалась долго, строгая и печальная, точно символическая статуя, пока за неровностью почвы не скрылась изъ нашихъ глазъ вмѣстѣ съ остовами крышъ и обнаженными трубами.

Дорога, размытая упорными осенними дождями, размокла и раскисла. Лошади съ трудомъ вытаскивали ноги изъ грязи, и глина, облѣпившая колеса, сдѣлала ихъ большими, несоразмѣрно толстыми и какими то неповоротливыми.

Какъ не походилъ этотъ нашъ переѣздъ на первый, напоминавшiй минутами увеселительный пикникъ.

Въ природѣ не было и слѣда былой радости. Точно она преждевременно состарилась отъ впитанной части человѣческаго горя.

Еще густыя, но уже пожелтѣвшiя шапки придорожныхъ деревьевъ отяжелѣли отъ непо-

сильной ноши дождевыхъ капель, и при порывахъ вѣтра стряхивали на землю и на головы проѣзжавшихъ ледяныя брызги своихъ слезъ.

Небо было одноцвѣтно, какъ сама безнадежность, и неуловимая сырость сѣялась скупо, но безъ остановки.

— Какъ недавно мы здѣсь и какъ многое успѣло измѣниться,—выразилъ мою мысль словами одинъ изъ спутниковъ.

— Точно самый круговоротъ жизни совершается здѣсь быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, какъ горѣніе въ чистомъ кислородѣ.

Ѣхали мы долго по вязкой осклизшей дорогѣ, то рѣшительно ныряя въ наполненныя жижей ямы и выбоины пути, то съ трудомъ и мучительной натугой лошадей всползая на холмы и пригорки, то самымъ подозрительнымъ образомъ накреняясь на бокъ всѣмъ кузовомъ экипажа. Приходилось сидѣть, крѣпко вцѣпившись негнущимися и покраснѣвшими руками въ края сидѣнья, и всѣ мысли сосредоточить на томъ, какъ бы не вылетѣть отъ толчка.

Насъ обгоняли и ѣхали намъ навстрѣчу многочисленныя крестьянскія подводы, на днѣ которыхъ копошились на подложенной соломѣ уже перевязанные эвакуируемые раненые.

Проходили подъ конвоемъ цѣлыя партіи

плѣнныхъ. Видъ у нихъ былъ утомленный, затравленный и унылый.

Была и не совсѣмъ обычная встрѣча: на телѣгѣ между двумя солдатами провезли молодую красивую женщину, на которой грубый и заношенный мѣстный крестьянскій костюмъ сидѣлъ какъ на актрисѣ, исполняющей роль пейзанки.

Сидѣла она гордо и неподвижно, держа высоко изящную голову, вокругъ которой вѣтеръ надувалъ, какъ парусъ, старенькій темный платокъ.

— Должно, шпіонку въ штабъ провезли обернувшись къ намъ и указывая кнутомъ вслѣдъ телѣгѣ, выразилъ догадку нашъ возница.

— И сколько этихъ шельмецовъ въ юбкахъ расплодилось!—горячо отозвался докторъ, и трудно было сказать навѣрное, къ чему относилось его раздраженіе, къ обилію ли расплодившихся шпіоновъ или къ назойливымъ брызгамъ дождя, попадавшимъ на докторскіе очки и мѣшавшимъ имъ исполнять свое настоящее назначеніе.

— Что вы хотите, докторъ, въ ихъ поведеніи есть, пожалуй, извѣстная своеобразная логика,— возразила я, въ тайной надеждѣ при содѣйствіи оживленнаго разговора хоть немного забыть окружающую мерзкую обстановку.

— Охъ, что вы это, сестрица,—тоже съ не совсѣмъ естественнымъ жаромъ ухватился С.

— О какой логикѣ вы говорите?

Прежде логики есть этика, есть у человѣка врожденное чувство допустимаго и не допустимаго. Вѣдь, если по вашему разсуждать, такъ и убійца—убивая, и поджигатель—поджигая, и какой нибудь грабитель, взламывая дверь, тоже логичны. И однако ни я, ни, надѣюсь, вы этого не находимъ допустимымъ. Или въ вашемъ женскомъ мозгу есть какія то извилины, какія то лазейки, куда прячется мысль, становясь недоступной для мужского пониманія.

Я невольно разсмѣялась несоотвѣтствію времени и мѣста съ принципіальнымъ споромъ.

— Баста, докторъ, вы сами становитесь не болѣе логичны, чѣмъ шпіоны, поджигатели и прочіе подонки человѣчества, и мнѣ досадно видѣть васъ въ столь неподходящей компаніи. Поэтому отложимъ пренія до болѣе благопріятнаго случая.

Дорога постепенно склонялась, почва становилась все болѣе рыхлой, похожей на болото.

Въ одномъ мѣстѣ пришлось объѣзжать завязшую въ грязи походную кухню.

Вокругъ хозяйственнаго учрежденія, тонкая труба котораго безнадежно маячила надъ ихъ

головами, толпились солдаты съ кашеваромъ во главѣ.

Толклись, „наваливаясь“, „заносяя“ и „напирая“ и съ боковъ и сзади, наступая другъ другу на ноги и оглашая воздухъ виртуозной, изысканной руганью.

А изъ трубы невозмутимо и безучастно вился тоненькой струйкой сизый дымокъ заранѣе растопленной топки и изъ громаднаго котла, въ которомъ на ходу варились жирныя, вкусныя солдатскія щи, соблазнительно пахло прѣющей капустой.

Гдѣ нибудь на бивуакѣ холодные и голодные солдаты ожидали обѣда, и, сознавая важность своей миссіи, разрывались отъ старанья люди, передавая возбужденье взмыленнымъ, исчезающимъ въ клубахъ бѣлаго пара лошадямъ.

Такъ они и скрылись изъ нашихъ глазъ за поворотомъ дороги, и удалось ли имъ спасти драгоцѣнное кушанье, намъ такъ и не пришлось узнать.

Хорошо, если удалось.

XI.

Уже вечерѣло, когда показалась сначала длинная, исчезающая на горизонтѣ полоса желѣзно-

дорожной насыпи, а затѣмъ темная масса скучившихся зданій небольшой станціи, гдѣ былъ расположенъ лазаретъ и питательный пунктъ.

Путь былъ поврежденъ, поѣзда не ходили, но маленькіе желтые огоньки, свѣтившіеся въ окнахъ, и самыя нити тускло отсвѣчивающихъ, убѣгающихъ вдаль рельсъ, создавали впечатлѣнье человѣческой близости и такъ давно забытой пріобщенности къ цивилизованному міру. Всѣ подтянулись, пріободрились. Даже погода какъ будто стала получше.

Полчаса спустя мы смѣнили своихъ предшественниковъ и, пользуясь временемъ, пока развертывался пунктъ, торопливо шли ужинать.

Въ помѣщеніи питательнаго пункта, устроеннаго въ маленькомъ зальцѣ 1-го и 2-го класса, было свѣтло и уютно.

Вокругъ длиннаго стола уже сидѣло нѣсколько сестеръ, два незнакомыхъ врача и двое санитаровъ, петроградскихъ студентовъ. Младшій изъ нихъ, еще почти мальчикъ съ нѣжнымъ пушкомъ, чуть оттѣнявшимъ верхнюю губу, ѣлъ съ жадностью, торопливо и вкусно, съ какимъ то ребячьимъ причмокиваньемъ схлебывая съ ложки и не спуская блестящихъ любопытствомъ глазъ съ лица, завладѣвшаго разговоромъ врача.

— То есть понимаете ли, въ чемъ нравственная

сила нашего солдата?—съ увлеченіемъ говорилъ докторъ, отбрасывая со лба непокорную прядь волосъ, придававшую его физіономіи нѣсколько артистическій характеръ.

— Пусть это звучитъ парадоксально, но я говорю и настаиваю,—онъ энергично хлопнулъ ладонью по столу,—что эта сила въ его человѣчности. Да, да, человѣчности!

Да вотъ вамъ примѣръ.

Пришлось мнѣ какъ-то разговориться съ однимъ солдатикомъ. Ростъ, знаете, богатырскій, голосъ, какъ у протодьякона, особыхъ примѣтъ не имѣется.

Разсказываетъ, какъ былъ раненъ и по пути на пунктъ встрѣтился и „разговорился“ съ раненымъ же австрійцемъ.

— Онъ меня папироской угостилъ, хорошій австріецъ попался.

Ну, я хотя и некурящій, а папироску взялъ: жалко забижать человѣка.

— Понимаете, воевать, стрѣлять, колоть, ничего, а „забижать“ жалко. Да вѣдь это цѣлое міросозерцанье, это философія, понимаете ли, а философія оплотъ силы!..

Неизвѣстно, до чего бы дофилософствовался самъ докторъ съ артистической внѣшностью,

еслибы постороннее обстоятельство не отвлекло общаго вниманія.

Въ дверяхъ показалась маленькая, чѣмъ то напоминающая зайца, фигура еврея въ длинномъ замасленномъ сюртукѣ, въ картузѣ, опирающемся на оттопыренныя уши, съ мѣшкомъ за плечами.

Онъ кланялся торопливо и низко, прижимая локти къ бокамъ, и взглядъ его черныхъ, выпуклыхъ глазъ былъ робокъ и недовѣрчивъ, какъ у запуганнаго звѣрька.

Онъ долго въ чемъ то извинялся, величалъ насъ „панами, паненками и паннами“ и только съ большимъ трудомъ мы разобрали, что рѣчь шла о нѣсколькихъ парахъ грубыхъ, мужицкихъ сапогъ, которые онъ досталъ изъ мѣшка, разставилъ на полу и убѣждалъ насъ пріобрѣсти по сходной цѣнѣ.

— Да вѣдь и самъ то, поди гдѣ нибудь подтибрилъ,— скептически промолвилъ старшій изъ санитаровъ.

— Ой, что вы, что вы, панъ, якъ же це можно,—замахалъ руками торговецъ,—у меня въ мѣстечкѣ лавочка была.

Много товару, и ситцу и всякой галантереи, и обуви и всего. Нѣмцы „вшиско позаберали“.

Я самъ съ семьей въ чуланѣ за кадками спрятался, два дня сидѣли, не кушали. Сарра плакала, дѣти плакали. Ну, что же я могъ?.. Только я человѣкъ бѣдный, панове, я человѣкъ торговый, я ночью пробрался въ чуланчикъ за магазиномъ и досталъ эту обувь и спряталъ, чтобы продать добрымъ людямъ и купить дѣтямъ хлѣба.

Еврей договорилъ и замолчалъ, глядя то на одного, то на другого съ надеждой и тоской.

Намъ всѣмъ стало стыдно за неловкость санитара, усомнившагося въ честности продавца; чтобъ загладить ее мы накормили еврея, обласкали его и по молчаливому соглашенію, мигомъ и не торгуясь, раскупили его сапоги.

И какъ же они оказались намъ полезны въ сырые осенніе дни!

Въ эту ночь въ лазаретѣ разыгралась сцена, произведшая на всѣхъ самое тягостное впечатлѣніе.

Пришли, вѣрнѣе, прибѣжали въ буквальномъ смыслѣ этого слова вырвавшіеся изъ германскаго плѣна человѣкъ пять солдатъ.

Всѣ они были полураздѣты, измучены физически и нравственно до полнаго изнеможенія.

Они не сѣли, а прямо упали тутъ же на полу, причемъ одинъ изъ нихъ какъ то странно

передернулся, точно все тѣло его свела мучительная судорога, и вдругъ опрокинулся на спину.

Поспѣшили къ нему, стали щупать пульсъ, испытывать дыханіе. Несчастный былъ мертвъ.

Докторъ констатировалъ разрывъ сердца, вызванный переутомленіемъ.

Товарищи его, болѣе выносливые, лишились на время употребленія ногъ, которыя стали несгибающимися, прямыми, будто окаменѣлыми.

Всѣ они были на развѣдкѣ и попали въ непріятельскую засаду. Одинъ офицеръ чудомъ избѣжалъ участи остальныхъ, солдаты же оказались въ плѣну.

Привели ихъ въ какое-то мѣстечко и заперли въ пустой сарай, гдѣ выдержали трое сутокъ почти безъ пищи, снявъ предварительно обувь и платье,—для своихъ ли одежа понадобилась, или изморомъ взять хотѣли, а вѣрнѣе всего—во избѣжаніе побѣга.

Но солдатики и раздѣтые ухитрились уйти, воспользовавшись тѣмъ, что задремали или зазѣвались часовые. Нѣмцы живо спохватились, отправили погоню, отъ которой пришлось забраться по поясъ въ воду рѣченки и укрыться въ прибрежныхъ камышахъ.

— Часовъ шесть въ водѣ высидѣли,—разсказывали солдатики,—все нѣмчура вокругъ шны-

ряла. Чувствовали канальи, что тутъ мы, а найтить не могутъ, потому не ему, колбаснику, русскаго солдата обойти. Наконецъ, надоѣло. Ушли.

Смеркаться тутъ стало. Вода же дюже холодная была. Вылѣзли мы, а ноги вовсе оледенѣли и съ мѣста нейдутъ.

Одначе, дѣлать нечего, надобно утекать. Насилу разбѣжались, а какъ разбѣжались, и сами не знаемъ, сколько верстъ отмахали, до самаго пункта все бѣгомъ, все бѣгомъ. Темень. Дождикъ. Онъ, покойный то, млявый былъ. Подъ руки мы его вели. Думали отдохнетъ и выходится, анъ не тутъ то было. Померъ, бѣдняга!

Много ихъ и раньше умирало у насъ на рукахъ, но эта смерть, такая неожиданная, въ самую минуту спасенія глубоко потрясала всѣ сердца.

Впрочемъ, поддаваться настроенію—роскошь, недопустимая въ походѣ. Съ первыми лучами разсвѣта загремѣли отдаленные, временно примолкшіе выстрѣлы, и стали прибывать раненые, далеко видные на возвышенности насыпи.

Дождь, наконецъ, пересталъ.

Солнце вставало на прояснившемся послѣ многихъ облачныхъ дней небѣ, и тутъ только стало замѣтно, какъ успѣшно творила осень свое раз-

рушительное дѣло, какъ порѣдѣла листва въ маленькомъ традиціонномъ садикѣ при станціи, гдѣ холодно и ненужно сіялъ на опустошенной цвѣточной клумбѣ большой блестящій стеклянный шаръ.

И самое солнце возвращалось къ намъ уже не прежнимъ милымъ, теплымъ, лѣтнимъ, а какимъ то остывшимъ и равнодушнымъ.

Стали появляться на пунктѣ не одни раненые, но и больные.

Привозили дрожащихъ въ злѣйшей лихорадкѣ людей.

Однажды доставили цѣлую партію нѣмцевъ.

Вода съ нихъ лила ручьями, зубы явственно стучали другъ о друга.

Оказалось, что наши войска загнали нѣмцевъ въ рѣку и обратили въ бѣгство, но „сердце русское не камень“. Лишній разъ подтвердилась справедливость того, о чемъ такъ вдохновенно говорилъ на питательномъ пунктѣ врачъ съ лицомъ артиста. Воевать — можно, забижать — нельзя.

Увидѣвъ гибнущихъ враговъ, не сговариваясь, бросились солдатики на помощь.—„Вызволимъ нѣмца, ребята“!—Вызволили и привезли, съ застѣнчивой просьбой обогрѣть спасенныхъ.

— Вѣдь они вроцѣ какъ наши воспитан-

ники,—пояснилъ съ улыбкой одинъ изъ солдатиковъ, а у самого весь низъ шинели почернѣлъ отъ сырости и навѣрное въ сапогахъ булькаетъ вода.

Милыя, трогательныя воспоминанія, согрѣвающія душу, обезцвѣченную, измятую нервной, сложной и пустой жизнью съ дѣтства въ большомъ городѣ.

Лечить отъ лихорадки среди поля, въ помѣщеніи, едва защищенномъ отъ непогоды—задача нелегкая.

Приходилось ограничиваться самыми примитивными мѣрами, состоявшими главнымъ образомъ въ отогрѣваніи и стараться возможно скорѣе перевезти въ госпиталь ближайшаго городка.

XII.

Я вызвалась эвакуировать нѣмцевъ и съ ними двоихъ нашихъ больныхъ.

Ну, вотъ и ладно, поѣзжайте съ Богомъ,—согласился старшій врачъ,—и здѣсь мѣсто очистите и заодно побывайте на обратномъ пути въ деревушкѣ Л.,—вамъ совсѣмъ небольшой кругъ будетъ,—тамъ, слышно, раненые по избамъ лежатъ, ихъ докторъ Н—сковъ пользуетъ; а какъ тамъ вообще насчетъ медицинскаго персонала

обстоитъ—право не знаю. Можетъ быть, и ваша помощь понадобится. Только вотъ съ лошадью какъ быть—не знаю. Въ разгонѣ всѣ. Ужъ вы сами позаботьтесь.

Послѣднее затрудненіе я ожидала и знала, какъ изъ него выйти. У меня былъ знакомый писарь, нѣкто Носковъ, любопытнѣйшая личность съ болѣзненнымъ самолюбіемъ, свойственнымъ людямъ, считающимъ, что жизнь отвела имъ ненадлежащее мѣсто. Носковъ считалъ своимъ призваніемъ литературу, а свою повѣсть на военную тему самымъ цѣннымъ своимъ достояніемъ.

Однажды, ужъ не помню при какихъ обстоятельствахъ, я прослушала первыя главы произведенія писаря, отнеслась къ нимъ съ извѣстнымъ интересомъ и тѣмъ разъ навсегда расположила въ свою пользу благодарное сердце непризнаннаго писателя. Онъ же въ свою очередь имѣлъ свои тайныя, не совсѣмъ для меня ясныя связи съ разными нужными людьми.

Результатомъ всѣхъ этихъ отношеній было то, что часа черезъ два послѣ того, какъ я посвятила Носкова въ свою заботу, передъ станціей остановилась скрипучая крестьянская телѣга, запряженная парою низкорослыхъ, длинношерстыхъ конякъ.

Вывели больныхъ, уложили ихъ, укрыли и двинулись въ путь. Ахъ, что это былъ за скорбный путь!

Дождя, правда, не было, но ледяной вѣтеръ яростно кидался навстрѣчу, точно только и ожидалъ нашего приближенія; старый, плохо слаженный экипажъ скрипѣлъ и подавался отъ каждаго толчка на неровностяхъ непросыхающей, залитой грязью дороги, и со дна его раздавались жалобы и упреки и несвязныя безсмысленныя слова.

Больные бредили, кто по русски, кто по нѣмецки. Одни вспоминали своихъ близкихъ, другіе въ забытьѣ переживали снова недавно испытанные ужасы войны. Запекшимися отъ внутренняго жара губами выкрикивали угрозы, проклятья, злобную, ни къ кому не обращенную брань.

Въ довершеніе непріятности уже въ виду городка у насъ соскочило колесо. Случилось это такъ внезапно, что всѣ мы едва не попадали другъ на друга. Пришлось вылѣзать прямо въ лужу и стоять у края дороги, поддерживая больныхъ, утѣшая ихъ и успокаивая, пока возница ходилъ далеко назадъ, разыскивать оброненную, какую-то самую необходимую штучку и потомъ, найдя таки ее, что казалось почти невы-

полнимымъ, тщательно и аккуратно исправилъ повреждение.

Вотъ когда я впервые съ благодарностью вспомнила находчиваго маленькаго еврея, чьи незамѣнимые сапоги выдержали съ честью первое испытаніе и искренно пожелала всѣхъ благъ земныхъ его Саррѣ и бѣднымъ дѣтишкамъ.

Наконецъ добрались.

Сдали больныхъ. Покормили и дали вздохнуть притомившимся конякамъ и отдохнули сами.

Подъ окнами госпиталя, на улицахъ маленькаго городка протекала своя мирная, обыденная жизнь. Проходили люди, спѣша къ своимъ дѣламъ, возились на тротуарѣ грязные, оборванные ребятишки, въ окнахъ магазиновъ пестрѣли выставленные товары.

И было странно и жутко подумать, что въ нѣсколькихъ верстахъ разыгрывается кровавая трагедія войны, что видимая мною спокойная обывательская жизнь протекаетъ на кратерѣ болѣе предательскомъ и невѣрномъ, чѣмъ кратеръ вулкана.

Однако, время уходило, и надо было спѣшить, чтобъ до сумерекъ успѣть доѣхать до указанной докторомъ деревушки.

Спѣшно распрощалась съ обогрѣвшими и

обласкавшими меня, какъ родную, сестрами и, не безъ сожалѣнія, вскарабкалась на телѣгу.

Проѣзжая мимо одного изъ магазиновъ, воспользовалась случаемъ сдѣлать одно пріобрѣтеніе, необходимость котораго уразумѣла на практикѣ.

Купила толстую, подбитую байкой кожаную куртку, въ которую тутъ же и облеклась.

Съ Божьей помощью превращеніе мое шло успѣшно, все менѣе оставалось во мнѣ женственнаго, и я не знала, сожалѣть мнѣ объ этомъ или радоваться.

Отдохнувшія лошадки бѣжали бойко, лихо разбрызгивая глубокія лужи и обдавая насъ съ ногъ до головы коричневой, липкой грязью. Вѣтеръ дулъ въ спину, и меня разбирало торжество надъ его безсиліемъ, надъ тѣмъ, что намъ удалось таки его обмануть.

Я подгребла подъ себя солому, плотно запрятала руки въ бездонные карманы новой куртки и отдавалась ощущенію благосостоянія оттого, что не слышала страдальческихъ голосовъ, не болѣла чужою болью, а главное оттого, что была одна.

Не считать же обществомъ присутствіе моего необщительнаго возницы.

Необходимость временнаго одиночества совер-

шенно очевидна для человѣка, который подобно мнѣ пережилъ, испыталъ и перечувствовалъ въ короткій срокъ нѣсколькихъ недѣль такъ много новаго, громаднаго по значенію, что легло на душу не продуманнымъ, не переработаннымъ и тяжелымъ пластомъ.

Давно назрѣвала и тяготила потребность подвести итоги, заглянуть въ самое себя, попробовать разобраться въ происшедшихъ въ себѣ перемѣнахъ и квалифицировать собранныя сокровища впечатлѣній.

Мягко раскатывалась по глубокимъ колеямъ телѣга, скользила въ ямы, выползала на пригорки, вѣтеръ гудѣлъ однообразно и уже примиренно и тихо плелась длинная, длинная нить медлительной мысли.

Изъ туманной страны прошлаго вставали воспоминанія то свѣтлыя, то печальныя, и переоцѣнивалъ ихъ новый, выросшій во мнѣ человѣкъ.

Многое радостное утратило свой соблазнъ, иное казалось смѣшнымъ, но понятнымъ и человѣчески простительнымъ, за другое становилось стыдно и гадко, и хотѣлось зажмуриться и спѣшить мимо.

Зато всѣ прежнія печали озарились кроткимъ

свѣтомъ, пріобщавшимъ ихъ къ великой скорби міра.

Въ смутномъ видѣніи проходили люди, съ которыми случалось встрѣчаться, жить, сплетаться общими интересами, знакомые и родные—тѣ прежніе, оставленные позади, и другіе, обрѣтенные на новомъ пути моей жизни. Но лица у нихъ были новыя, оттого что ихъ поступки, слова, отношенія, весь нравственный обликъ прошелъ сквозь призму моей обновленной души.

Краснымъ, будто раскаленнымъ, шаромъ закатывалось огромное солнце на открытомъ горизонтѣ, ограничивавшемъ обширное пространство черныхъ распаханныхъ полей, среди которыхъ мы ѣхали.

Съ далекихъ кочекъ стаями срывались вороны. Онѣ каркали, тяжело хлопали неповоротливыми черными крыльями и низко прорѣзали полетомъ красное, будто обвѣтренное, небо, а далеко впереди на перекресткѣ дорогъ возвышался, словно вырѣзанный на аломъ фонѣ, черный силуэтъ, столь часто встрѣчаемаго въ этихъ мѣстахъ, креста.

— „Вотъ сейчасъ за крестомъ поворотъ будетъ. Тамъ ужъ до Л. рукой подать“,—въ первый разъ за время пути обратился ко мнѣ мой спутникъ.

— Версты четыре и того меньше осталось.

Четыре версты, испугалось я, такъ близко, а тамъ опять люди! Опять будетъ некогда думать! На чемъ я остановилась?

Скорѣй, скорѣй...

Но уже сбились мысли, раздробились на мелочи, на воспоминанія объ отдѣльныхъ эпизодахъ послѣднихъ дней.

Почему то вынырнули со дна сознанія ребятишки, игравшіе на мостовой подъ окнами госпиталя. И вдругъ жадно уцѣпилась за новое представленіе мысль.

Вотъ оно то, что не измѣнилось! Вотъ оно настоящее, незыблемое! Дѣти, отношеніе къ нимъ и ко всему дѣтскому, молодому, неиспорченному въ человѣкѣ.

Беречь дѣтей, любить дѣтей, вѣрить въ нихъ! Вотъ та нить, которая связываетъ меня съ прошлымъ, со мной прежней, изжитой и обновленной.

И впервые съ особенной силой защемила сердце любовь къ своимъ мальчикамъ, страстная, безотчетная, безразсудная жажда увидѣть ихъ сейчасъ же, безъ промедленія, цѣловать ихъ личики, прижимать ихъ къ сердцу.

Когда мы въѣхали въ деревушку, я успѣла подавить свое волненіе, но собственная походка

показалась мнѣ болѣе грузной, въ тотъ моментъ я не удивилась бы, если-бъ увидѣла на своей головѣ проблески преждевременныхъ сѣдинъ.

XIII.

Деревушка Л., скучившаяся своими домиками надъ небольшимъ озеромъ и, вѣроятно, очень живописная лѣтомъ, была пощажена тевтонскимъ нашествіемъ.

Взглядъ отдыхалъ на привѣтливыхъ огонькахъ, уже зажигавшихся кое-гдѣ въ окнахъ, на мирныхъ домикахъ, поднимавшихся въ вышину, и на трепетныхъ отраженіяхъ первыхъ звѣздъ на темной поверхности озера.

Вѣтеръ къ ночи упалъ.

Стало тихо въ природѣ, какъ и въ моемъ сердцѣ послѣ всколыхнувшей его бури.

Жители Л. были бѣдны и, какъ бѣдняки, рисковали менѣе зажиточныхъ даже въ случаѣ нападенія непріятеля. Къ тому же некуда было скрыться.

Поэтому большинство осталось въ насиженныхъ гнѣздахъ и, надѣясь на милосердіе Божіе, продолжали, какъ и до войны, нести нелегкое бремя свое трудной, рабочей жизни.

Встрѣтившійся крестьянинъ указалъ намъ хаты, гдѣ находились раненые, и нѣсколько минутъ спустя выбѣжавшій на крыльцо санитаръ встрѣтилъ меня и помогъ выбраться изъ телѣги.

Доктора Н—скова мы застали при исполненіи своихъ обязанностей, на посту, съ котораго онъ, какъ выяснилось изъ первыхъ же фразъ, не смѣнялся уже четвертыя сутки.

Впрочемъ объ этомъ обстоятельствѣ краснорѣчивѣе словъ свидѣтельствовали желтые отеки утомленнаго лица и темные круги вокругъ воспаленныхъ отъ безсонныхъ ночей глазъ.

Въ двухъ избахъ скопилось человѣкъ 30 раненыхъ, изъ нихъ нѣсколько тяжелыхъ. А тутъ еще на несчастье заболѣла единственная сестра, которая лежала здѣсь же въ хатѣ, на другой половинѣ, гдѣ за ситцевой занавѣской ютилась и хозяйка-полька, вдова съ двумя ребятишками, которая взяла на себя заботы о питаніи своихъ постояльцевъ.

Весь медицинскій персоналъ состоялъ изъ самого доктора и встрѣтившаго меня санитара.

А страждущихъ все прибавлялось. Перевозить ихъ было не на чемъ, такъ какъ лошади были давно отобраны на нужды военнаго времени, да по правдѣ и некуда, такъ какъ всюду въ окрест-

ностяхъ по дорогамъ рыскали нѣмецкіе отряды, на благородство и милосердіе которыхъ лучше было не расчитывать.

По всѣмъ этимъ причинамъ мой пріѣздъ былъ встрѣченъ съ неподдѣльною радостью.

— Вотъ спасибо, вотъ спасибо, что пожаловали, голубушка, говорилъ докторъ, тряся мою руку въ своихъ пухлыхъ и теплыхъ рукахъ.— Просто, понимаете, отчаянье брало. Нѣмцы, правда, не идутъ, да зато и свои забыли. Сидимъ здѣсь отъ всего міра отрѣзанные.

Одни раненые дорогу къ намъ находятъ. А тутъ сестрица слегла. Остались мы съ Васильемъ Ивановичемъ, каждый „и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ.“

На каждаго легко раненаго, пріобрѣтающаго возможность идти и освободить мѣсто, являются двое новыхъ. Трудненько приходится, что и говорить!

Дѣйствительно, приходилось трудненько. Докторъ не преувеличивалъ.

Круглыя сутки приходилось принимать, перевязывать, поить, кормить, дежурить по ночамъ почти безсмѣнно.

Лежали тѣсно и скученно на лавкахъ и на полу, воздухъ былъ тяжелый и спертый, едва выносимый для новаго человѣка.

Помимо физической трудности создавшагося положенія много чисто нравственныхъ тяжелыхъ минутъ доставляла та особая категорія раненыхъ, съ которою по странной прихоти судьбы мнѣ приходилось сталкиваться впервые.

Это категорія скучающихъ.

По большей части легко раненый, подобный солдатикъ приходитъ самъ. Молчаливо и безропотно ждетъ своей очереди, выноситъ перевязку, потомъ, нѣсколько облегченный, садится или ложится гдѣ нибудь въ сторонѣ и задумывается. Подойдешь къ нему, заглянешь въ глаза и отойдешь поскорѣе.

Такая безысходная, глубокая, не поддающаяся исцѣленію и утѣшенію тоска свѣтится въ этихъ глазахъ!

Солдатику „скушно". И не городская это скука, не скука избалованныхъ людей, которымъ нечего дѣлать, а другая, стихійная нутряная скука объ оставленныхъ, о далекихъ, о мирныхъ знакомыхъ занятіяхъ и трудахъ, о разломившейся на двое жизни.

— Покамѣстъ въ дѣлѣ находишься, не такъ скушно, потому занятъ, признался мнѣ, вызванный на откровенность одинъ изъ подобныхъ типовъ...

— А вотъ заболѣлъ, али тамъ раненому въ

лазаретъ попасть послѣднее дѣло: такая тоска возметъ, такая тоска, что и сказать невозможно!

Попадаются и люди совершенно противоположнаго склада души; беззаботные, но большей частью молодые, холостые, безсемейные парни.

Эти не теряютъ бодрости и умѣютъ находить во всякомъ положенiи его комическую сторону.

Это настоящiе герои, совершающiе въ бою, словно шутя, чудеса храбрости, а попавъ по несчастью на лазаретную койку, только и бредятъ тѣмъ, какъ бы скорѣе снова оказаться въ строю.

— Ужъ какъ нибудь наскоро почините меня, ваше в-родiе, тамъ когда нибудь на досугѣ долечатъ. Теперь же не до того, нѣмца гнать да „значекъ заслужить надо,“ говорятъ эти молодцы, являясь на перевязку.

Вернутся съ войны безъ „знака“ они считаютъ чуть не позоромъ.

— Бабы и тѣ засмѣютъ.

Помню, разъ пришелъ на пунктъ одинъ изъ подобныхъ храбрецовъ, контуженный въ животъ и грудь, слѣдствiемъ чего была кровавая рвота, которая собственно и побудила солдата обратиться къ врачу.

— Съ души мотаетъ, ваше в-родiе, явите

Божескую милость, дайте порошку какого ни есть. Только не задерживайте: некогда мнѣ, обратно надобно.

При осмотрѣ оказалось, что контузія затронула чуть ли не всѣ внутренніе органы солдата, и было почти невѣроятно, какимъ образомъ онъ могъ самъ дойти.

— Эвона, дойти!—разсмѣялся пришедшій въ отвѣтъ на наше общее удивленіе, да я двое сутокъ такъ то хожу, да вотъ мотать стало шибко, такъ за порошкомъ собственно.

Порошокъ бы мнѣ какой. Али что; вы образованные, вамъ лучше знать.—Настойчиво повторялъ онъ.

Когда вмѣсто порошка докторъ категорически приказалъ ему оставаться и лечь, солдатикъ огорчился, какъ ребенокъ.

— Эхъ, было бъ мнѣ вовсе не ходить—почесалъ онъ затылокъ,—не даромъ говорили товарищи, чтобъ не шелъ, не послушался умнаго человѣка.

— Дуракъ ты и твой умный человѣкъ! Дураки вы всѣ несчастные!—вспылилъ докторъ.

— Протянулъ бы ноги, посмотрѣлъ бы я, чѣмъ бы тебѣ умный человѣкъ помогъ!—Умный выискался!.. Бараньи головы, глаза бы мои на васъ не глядѣли..,

Въ первый разъ я видѣла доктора въ такомъ негодованіи. Даже шея его покраснѣла, а мягкія, толстые щеки прыгали, какъ у разсерженнаго индюка, въ то время, какъ онъ срывающимся голосомъ выкрикивалъ слова возмущенія.

Докторскій гнѣвъ подѣйствовалъ. Солдатикъ, вздохнувъ, покорился необходимости и сперва сѣлъ въ уголкѣ на свободной лавкѣ, а потомъ, тотчасъ осиленный требованіемъ разбитаго и ослабѣвшаго организма, опустилъ голову на подложенную согнутую руку и протянулся во весь ростъ.

Я подошла къ нему съ набитой соломой наволочкой, чтобы устроить изголовье.

Солдатикъ лукаво снизу заглянулъ мнѣ въ лицо и шепнулъ конфиденціально, точно сообщая нѣчто особенно для меня пріятное.

— А вѣдь я все одно не останусь, сбѣгу, сестрица, напередъ говорю. Богъ съ нимъ и съ порошкомъ!

Я не обратила вниманія на слова больного, сочтя ихъ—грѣшный человѣкъ — за простительное, молодое бахвальство.

Но видно не всему еще научили меня двѣ недѣли, проведенныя на позиціяхъ, не всѣ еще я изучила особенности солдатской души.

Еще слѣдующій день контуженный солдатикъ,—его звали Степанъ Семенчуковъ—потѣшалъ товарища по несчастью полными неистощимаго юмора разсказами изъ жизни въ окопахъ и на бивакахъ, а на слѣдующую ночь, немного отдохнувъ и окрѣпнувъ, все-таки сбѣжалъ.

Выбралъ удобную минутку, когда дежурившій въ хатѣ санитаръ Василій Ивановичъ не устоялъ передъ соблазномъ задремать, и тихохонько выбрался на дворъ, а оттуда на деревенскую улицу.

Когда его хватились, то на мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, нашли только клочекъ сѣрой бумаги, на которомъ было нацарапано слѣдующее:

— Простите, добрые люди, что я васъ обманулъ, но не могу занимать чужое мѣсто, а свое оставлять пустымъ. Ухожу добывать значекъ. А вамъ спасибо за хорошее обращеніе.

Рядовой—полка 2-й роты.

Степанъ Семенчуковъ.

Крѣпкимъ словомъ помянулъ докторъ упрямаго бѣглеца.

Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ лучшихъ чувствахъ и намѣреніяхъ и долго еще горячился и бурлилъ, какъ раскипѣвшійся самоваръ, пока совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство не отвлекло общаго вниманія и интереса.

XIV.

Съ хозяйской половины, гдѣ обычно царила до странности глубокая тишина, нарушаемая иногда только пискомъ грудного ребенка, послышался стукъ, какъ отъ паденія тяжелаго металлическаго предмета, и вслѣдъ за тѣмъ возня, крикъ и неистовый плачъ старшей дѣвочки.

Не успѣли мы сообразить въ чемъ дѣло, какъ стремительно распахнулась дверь изъ сѣней, вбѣжала растерянная, обезумѣвшая хозяйка и съ безсвязнымъ, умоляющимъ лепетомъ и, свойственной полькамъ, экспансивностью въ движеніяхъ потащила доктора за собою.

Я послѣдовала за Леонидомъ Николаевичемъ.

Картина, которую мы увидѣли была неожиданна и ужасна.

Старшая дочка вдовы—Андзя—нечаянно опрокинула чайникъ съ кипяткомъ и обварила себѣ ноги. Несчастный ребенокъ такъ и лежалъ на полу въ еще дымящейся лужѣ, корчась отъ нестерпимой боли. Въ углу на грудѣ какихъ то пестрыхъ тряпокъ кричалъ перепуганный младшій, а сама мать, тоже растерявшаяся, въ отчаяньи металась отъ одного къ другому, хва-

тала насъ за руки и все бормотала умоляющіе слова и вспоминала Матку Боску и Пана Езуса.

Больная сестра съ усиліемъ приподнималась, мучаясь тѣмъ, что была не въ состояньи помочь.

Леонидъ Николаевичъ быстро и ловко принялся за дѣло.

Тонъ его голоса, твердый и повелительный, такъ непохожій на тотъ, какимъ онъ нѣсколько минутъ тому назадъ возмущался и сѣтовалъ на неблагодарнаго бѣжавшаго солдата, разомъ возстановилъ порядокъ и немного спустя успокоенная и облегченная, слабо стонущая Андзя была водворена рядомъ съ больною сестрой, по настоянію послѣдней.

Этотъ инцидентъ сблизилъ насъ съ молчаливой женщиной, гостепріимствомъ которой мы пользовались, и какими то неисповѣдимыми путями привелъ меня къ дружбѣ съ моей больной коллегой, сестрой Ольгой Александровной Р-вой.

И сколько свѣтлыхъ минутъ дала мнѣ эта дружба, съ какой нѣжностью я вспоминаю о теперь потерянной изъ виду, ласковой и снисходительной подругѣ недавнихъ суровыхъ дней!

Мнѣ никогда не случалось встрѣчать человѣка болѣе чистаго сердцемъ, болѣе логичнаго въ своихъ поступкахъ, мысляхъ и словахъ той здоровой и прямой логикой, которая является показателемъ благородной натуры.

Сестрица Р-ва была больна отчаяннымъ суставнымъ ревматизмомъ, лишившимъ ее употребленія ногъ и причинявшимъ невыносимыя страданія. Но хуже и тягостнѣе всего остального была для нее необходимость быть прикованной къ постели въ то время, какъ осталось тамъ много „неоконченнаго дѣла".

Несчастный случай съ маленькой Андзей доставилъ ей возможность снова быть полезной и, надо было видѣть, какъ любовно, беззавѣтно и просто отдалась она всѣми помыслами уходу за бѣднымъ ребенкомъ.

Проходя мимо ихъ общаго ложа, устроеннаго на покрытой одѣяломъ соломѣ, мнѣ случалось слышать то начало сказки, то отрывокъ исторіи изъ священнаго писанія, то тихое мурлыканіе дѣтской пѣсенки, причемъ разсказчица съ большой ловкостью пользовалась тѣмъ небольшимъ запасомъ польскихъ словъ, который былъ въ ея распоряженіи.

Результатомъ подобнаго отношенія была понятная признательность матери Андзи, а наряду

съ ней создалась наша общая популярность, доказавшая, что панна Ванда не со всѣми бывала одинаково молчалива.

Популярность эта выразилась, во первыхъ, въ томъ, что въ лазаретъ стали поступать разные вещественные знаки вниманія. Тащили искренно отъ души, чѣмъ были богаты.

И курицу, и кружку молока, и орѣховъ, и старую одежду, чтобъ прикрыть солдатиковъ.

А, во вторыхъ, тѣмъ, что бабы съ больными ребятами стали во множествѣ обращаться на пунктъ за оказаніемъ медицинской помощи.

— „Чертъ знаетъ, мало своего дѣла, новыхъ паціентовъ Богъ послалъ; побывали бы въ моей шкурѣ“,—кипятился Н—сковъ и тутъ же выстукивалъ и выслушивалъ ревущихъ больныхъ и рѣзко и торопливо совалъ въ руки матери пузырьки, баночки и сверточки съ несложными, бывшими подъ рукой медикаментами.

Между тѣмъ, война шла своимъ чередомъ, слѣдуя неуклоннымъ своимъ законамъ.

Нѣмцы отступили и очистили дороги, снова установилось сообщеніе съ сосѣдними болѣе богатыми селеніями, удавалось доставать лошадей и понемногу эвакуировать нашихъ раненыхъ.

За нѣсколько дней проведенныхъ нами тѣсной, отрѣзанной отъ остального свѣта, семьей,

всѣ мы сжились и сроднились другъ съ другомъ общими пережитыми лишеньями, трудами и тяготами, нѣсколькими смертями, тяжело легшими на душу и разставались съ грустью, и теплотой.

Случалось, уложишь и усадишь въ телѣгу солдатиковъ, обладишь, чтобъ было удобнѣе и теплѣе, распрощаешься, даже перекрестишь издали, смотришь, опять кто нибудь машетъ рукой, проситъ подойти.

— Сестрица, голубушка, спасибо вамъ за вашу ласку, за ваше обращеніе.

— Не поминайте лихомъ, сестрица, много вамъ вокругъ насъ мороки было. Простите, Христа ради.

Говорятъ неумѣлыя, застѣнчивыя слова, а хочешь отвѣтить и не находишь отвѣта и къ горлу подкатывается мягкій и теплый клубокъ.

Разъ, передъ тѣмъ какъ его вынесли изъ хаты, подозвалъ меня тяжело раненый, немолодой рябоватый солдатъ съ густой темной щетиной на подбородкѣ и щекахъ.

— Подойдите поближе, сестрица, попросилъ онъ,—говорить то мнѣ тяжело, а хочу васъ объ одной вещи попросить. Пошарьте у карманѣ у меня, самому то не достать...—Нѣсколько озадаченная я, тѣмъ не менѣе, исполнила просьбу солдата.

На самомъ днѣ холщевого солдатскаго кармана оказалось завязаннымъ въ грязную затертую тряпочку нѣсколько серебряныхъ монетъ и плиточка шоколада въ пестрой измятой бумажкѣ.

— Это?—изумилась я.

— Такъ, такъ, сестрица. Не откажите голубушка. Плохъ я.—Думаю, помру, напрасно и везутъ. Такъ будьте добрая, перешлите въ деревню, женѣ. Тамъ при деньгахъ и записочка съ адресочкомъ. А гостинчикъ сыночку. Сѣноторъ далъ, а я берегъ. Думалъ, самъ отвезу, мальченка на картиночку порадуется.

Голосъ солдата прервался волненіемъ или болью.

Я приняла изъ его рукъ узелокъ и конфетку и бережно спрятала у себя на груди.

Въ другой разъ раненый солдатикъ попросилъ меня подать, когда будетъ можно, „о здравіи раба Божія Василія воина“.

— Полегчаетъ мнѣ, думаю, сестрица, съ Богомъ то оно лучше.

Опустѣли наши хаты.

Отвозилъ раненыхъ Василій Ивановичъ, мое присутствіе было нужнѣе на мѣстѣ, но когда, наконецъ, дошла очередь отправлять больную сестрицу, которая, какъ капитанъ на кораблѣ,

терпящемъ бѣдствіе, осталась послѣдней на своемъ посту, я повезла ее сама.

Всю ночь передъ этимъ лилъ дождь, но къ утру прояснѣло и, когда сопровождавшая ласковыми привѣтствіями, пожеланіями и благословеніями Ванды и горькимъ плачемъ Андзи, телѣга, на которой лежала сестра Р-ва и сидѣли двое послѣднихъ оставшихся раненыхъ и я, выѣхала со двора, небо было ясное, блѣдное словно омытое ливнемъ.

Воздухъ былъ сырой, туманный, но мягкій, и во всей природѣ, и въ печальныхъ, почти безлиственныхъ деревьяхъ, и въ черныхъ воронахъ, гомонившихся на голыхъ вѣтвяхъ было что то, наводившее на печальныя и серьезныя думы.

Тихо и сердечно разговаривали мы съ сестрицей, точно торопясь въ послѣдніе часы передъ разставаніемъ передать другъ другу все то, что сроднило насъ въ немногіе дни, чего не успѣли пересказать другъ другу.

Сдавъ своихъ раненыхъ прямо на поѣздъ, который долженъ былъ доставить ихъ въ В., я на той же подводѣ, не возвращаясь въ Л., отправилась въ селеніе А., гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находился въ настоящее время нашъ санитарный отрядъ.

Удивительно, какъ сближаютъ людей общія

испытанія. Только что я съ болью въ сердцѣ разсталась съ человѣкомъ, ставшимъ въ нѣсколько дней моей милой, любимой сестрою, и уже поднималась радость при мысли о томъ, что скоро увижу доктора С., старшую сестрицу и другихъ, разлука съ которыми показалась вдругъ такою долгою.

Сначала ѣхали вдоль полотна, имѣя съ одной стороны однообразную полосу желѣзнодорожной насыпи, а съ другой какое-то безконечное болото со скудной, низкорослой растительностью нѣсколько рахитичнаго характера.

Потомъ дорога стала постепенно отклоняться въ сторону, болото смѣнилось чернымъ безграничнымъ просторомъ пахоты.

Должно быть, недавно здѣсь было сраженіе, о чемъ свидѣтельствовали глубокія, вырытыя снарядами ямы, какія-то колеса, разбросанное оружіе, разбитыя двуколки, попадавшіяся на пути.

Но отзвучали послѣдніе громы боя, сотрясавшіе грудь земли. Воцарился покой, торжественный и глубокій, и только свободно гулявшій вѣтеръ шевелилъ надъ свѣжими холмиками братскихъ могилъ концами связанныхъ изъ прутьевъ незатѣйливыхъ крестовъ.

Около одного изъ такихъ холмиковъ батюшка

служилъ панихиду по „на полѣ брани убіеннымъ“. Кротко голубѣла струйка подымавшагося изъ кадила дыма и стройно и согласно неслись изъ устъ нѣсколькихъ солдатиковъ, сопутствовавшихъ духовному отцу, обѣщающія надежду вѣчной, блаженной жизни слова заупокойныхъ молитвъ.

Возница, пожилой солидный польскій крестьянинъ, обнажилъ голову, и словно въ разсѣянности позабывъ накрыться, долго шелъ около колеса телѣги, глядя внизъ и не замѣчая холоднаго осенняго вѣтра, приподнимавшаго его сѣдые волосы.

И было въ этой скромной церемоніи, которой мы только что были умиленными молчаливыми свидѣтелями, больше величія и красоты, чѣмъ въ самомъ пышномъ отпѣваніи съ пѣвчими, зажженными паникадилами и вѣнками съ пояснительными надписями.

Спите мирно, милые родные герои, „ихъ же имена ты, Господи, вѣси“! Спите въ землѣ, которую сперва обрабатывали своими трудовыми руками, а затѣмъ орошали своею святою кровью!

Спите, и если въ смертномъ снѣ есть видѣнья, пусть грезится вамъ вѣнецъ начатаго вами великаго дѣла, торжество справедливости и свѣта надъ мракомъ, зломъ и неправдой!

Ощущеніе остраго голода напомнило мнѣ о томъ, что я съ утра ничего не ѣла.

Когда я сказала объ этомъ своему спутнику, онъ съ готовностью кивнулъ головою и, дернувъ возжами, погналъ быстрѣе свою утомленную долгой ѣздой лошадку.

— Тутъ сейчасъ за спускомъ мѣстечко будетъ. Тамъ лавочка есть и коняка отдохнетъ трошки.

Дѣйствительно, съ пригорка открылся видъ на довольно большое мѣстечко, тѣсно скучившееся грязными, неудобными и должно быть очень холодными зимою домишками. Кругомъ ни кусточка, ни деревца, черезъ вздутый осенними ливнями ручеекъ, вѣроятно, пересыхающій въ лѣтній зной, перекинутъ ветхій, чуть живой бревенчатый мостикъ безъ перилъ.

Спускъ былъ крутой, осклизлый и невообразимо грязный, что, видимо, доставляло немалое наслажденіе толстой, черной свиньѣ, облѣпленной комьями глины. Мое мнѣніе на этотъ счетъ было не вполнѣ согласно съ мнѣніемъ почтеннаго животнаго и, тѣмъ не менѣе, изъ чувства самосохраненія я тоже предпочла сойти на землю и идти пѣшкомъ, такъ какъ телѣга раскатывалась самымъ безпомощнымъ образомъ, и палки, подкладываемыя полякомъ въ колесо, мало помогали въ этой бѣдѣ.

Въ моихъ отличныхъ мужицкихъ сапогахъ, подобравъ юбку, я храбро преодолѣвала сопротивленіе, оказываемое звучно чмокавшей подъ ногами глиной, перешла черезъ мостъ, по которому, прыгая какъ по фортепіаннымъ клавишамъ, продребезжалъ вслѣдъ за мною нашъ экипажъ и заодно ужъ поднялась кое-какъ на противоположный берегъ ручейка, изъ состраданія къ усталости бѣдной лошади.

Маленькая еврейская лавченка находилась у самаго въѣзда въ мѣстечко и такъ мало отличалась отъ окружающихъ построекъ, что я, пожалуй, прошла бы мимо, если-бъ меня не окликнулъ мой возница и не указалъ кнутомъ на низенькую дверь съ вставленнымъ въ верхнюю ея половину тусклымъ, почти непрозрачнымъ стекломъ.

Внутри лавочки было почти темно, и, только привыкнувъ къ полумраку, я постепенно различила за прилавкомъ юркую фигуру еврея въ неизмѣнномъ картузѣ, опирающемся на оттопыренныя уши, висящія съ потолка черныя копченыя колбасы, куски сала, ящики съ гвоздями, фляги съ керосиномъ, распространявшія специфическій ароматъ, и тутъ же рядомъ куски яркаго ситца и коробки съ прошлогодними консервами. На всемъ, начиная съ лица и одежды

хозяина, какъ бы лежалъ слой густой, долго и медленно накоплявшейся пыли и какой-то копоти.

Въ самой глубинѣ лавочки, въ тѣни поднялась съ табурета при видѣ меня высокая, незамѣченная мною раньше фигура, тускло блеснуло золото погонъ, по которымъ я опознала офицера въ пришедшемъ раньше меня посѣтителѣ.

Такъ какъ ноги мои дрожали отъ долгаго сидѣнія въ неудобной позѣ, а затѣмъ отъ нелегкаго путешествія, черезъ непролазную липкую грязь, я безъ дальнихъ церемоній заняла предложенное мнѣ мѣсто и занялась выборомъ своего обѣда.

Выхваливаемые продавцомъ консервы меня не соблазняли и, поколебавшись немного между саломъ и колбасой, я остановилась на послѣдней, а такъ какъ въ лавочкѣ нашелся и прѣсный витой бѣлый хлѣбъ, рѣшила тутъ же и закусить.

Спѣшить все равно было некуда: надо было пожалѣть бѣдную коняку.

Вошелъ привезшій меня крестьянинъ и спросилъ у еврея хлѣба.

Я предложила ему колбасы, онъ поблагодарилъ, подумалъ, но все-таки взялъ и тотчасъ же вышелъ, пообѣщавъ, что „заразъ поѣдемъ, только трошечки передохнемъ“.

— А далеко ли вамъ ѣхать, сестрица?—полюбопытствовалъ торговецъ.

Я отвѣтила.

— А откудова ѣдете.

— Изъ деревни Л.

— Изъ Л!..—оживился вдругъ молчавшій до тѣхъ поръ офицеръ.

Простите, сестрица, что я навязываюсь на знакомство, но дѣло въ томъ, что съ Л. у меня связано много воспоминаній.

Подъ Л. я, мѣсяцъ тому назадъ, получилъ боевое крещеніе и тамъ же былъ контуженъ.

Мы восемь дней сидѣли въ окопахъ, не получая разрѣшенія отъ высшаго начальства выйти въ открытый бой ввиду того, что непріятель во много разъ превосходилъ насъ численностью, и казалось почти безсмысленнымъ и прямо преступнымъ вести людей на явную погибель. Было это въ началѣ войны, мы еще не раскусили, что за фруктъ нашъ противникъ, а онъ, бестія, насъ подсиживалъ, пока не подоспѣла къ нимъ артиллерія, и ну жарить въ насъ, изъ пушекъ по воробьямъ,—криво и невесело пошутилъ разсказчикъ.

— Одинъ изъ снарядовъ разорвался за моей спиной въ то время, когда я, обернувшись отдавалъ команду солдатамъ. Меня контузило въ

затылокъ. Не сильно. Настолько, что я могъ остаться въ строю, тѣмъ болѣе, что отъ контузіи собственно и лечиться не приходится.

Но зато посмотрите, что со мной сталось. Читали вы „L'homme qui rit“ Гюго? Ну, такъ вотъ, я этотъ самый l'homme qui rit.

Послѣднимъ замѣчаніемъ офицеръ пояснилъ то, что я сама замѣтила съ самаго начала разговора. Во все время его разсказа меня раздражала и какъ то тревожно настраивала странная игра лица разсказчика.

Выраженіе этого лица не соотвѣтствовало характеру произносимыхъ словъ. Это была словно маска, то лукавая, то удивленная, то просто гримаса, скашивающая губы и суживающая глаза.

Очевидно, ударъ воздуха поразилъ часть мозга или нервы, управляющіе мышцами лица, и нарушилъ равновѣсіе между дѣятельностью мозга и внѣшними рефлексами.

Этотъ новый, впервые мною наблюдавшійся случай, настолько меня заинтересовалъ, что я даже забыла о томъ, что вѣжливость требуетъ какъ нибудь реагировать на выслушанное повѣствованіе.

Впрочемъ, мой собесѣдникъ, кажется, этого не замѣтилъ.

Когда я немного смущенная собственной неловкостью, взглянула на него, онъ стоялъ, облокотившись задумчиво на грязный и липкій прилавокъ, на губахъ его блуждала молодая мечтательная улыбка, но врядъ ли молоды и радостны были обуявшія его думы.

Зато обрадовавшись и видимо поощренный моимъ движеніемъ, которое онъ объяснилъ по своему, хозяинъ лавочки разразился цѣлой страстной и длинной тирадой, въ которой перемѣшивались ноты скорби и гнѣва.

— Ну и что это за люди, что это за люди, эти проклятые нѣмцы! Скажите вы мнѣ, какъ ихъ земля только терпитъ...

— И что они только дѣлаютъ.—Ай, ай, ай, что они дѣлаютъ.

— Грабятъ, жгутъ, обижаютъ.

— Въ наше мѣстечко они еще не приходили, потому мы еще и торгуемъ себѣ понемножку, но въ другомъ мѣстечкѣ, въ С., есть у меня братъ. Онъ тоже имѣлъ свою лавочку. Такъ вотъ онъ прибѣжалъ ко мнѣ ночью и своего ребеночка притащилъ, остальныхъ всѣхъ растерялъ, а жену увели нѣмцы. И онъ сидѣлъ у меня въ чуланѣ и трясся и плакалъ, и ребеночекъ плакалъ, и мы всѣ плакали отъ жалости. А изъ лавочки у него все позабирали и домъ

сожгли, и онъ теперь остался, какъ послѣдній нищій. Охъ, нѣмцы эти, нѣмцы!

Бѣднякъ всплескивалъ руками, возводилъ очи къ закоптѣлому низкому потолку своего магазина и на послѣднемъ словѣ какъ то нелѣпо икнулъ, захлебнувшись собственными словами.

Почти нехотя, безъ аппетита, я доѣла свою колбасу, утомившую челюсти непосильной работой, и, горячо пожавъ руки и офицеру и, смущенному этимъ знакомъ участія, еврею, вышла на крылечко, чтобъ поторопить поляка.

Трогательная черточка.

Когда я стала расплачиваться съ продавцомъ, онъ долго и упорно отказывался взять деньги.

— Ай нѣтъ, нѣтъ! Пускай я васъ угощу, сестрица. Вы же такъ трудитесь, такъ больнымъ помогаете, я вамъ про моего брата разсказалъ. Ай нѣтъ, нѣтъ, пускай я васъ угощу...

Онъ махалъ руками, умоляюще складывалъ ихъ ладонями вмѣстѣ.

Чтобъ не обижать человѣка, я предложила ему на эти деньги купить молока для ребеночка брата. Отъ этого онъ не могъ отказаться, и на томъ мы разстались.

XV.

Было уже около 4-хъ часовъ.

Опять сталъ накрапывать противный, мелкій, пронизывающій дождь. Передохнувшая лошадь бойко пробѣжала первую версту, вызывая панику среди разгуливавшихъ по улицѣ мѣстечка свиней.

Но дальше дѣло пошло гораздо хуже. Должно быть, сказалось утомленіе слишкомъ длиннаго переѣзда, для котораго былъ недостаточенъ кратковременный отдыхъ.

Къ тому же состояніе дороги было ужасно. Все это привело къ тому, что мы въ одинъ далеко не прекрасный мигъ вдругъ рѣшительно остановились, увязнувъ чуть не по самыя оси колесъ.

Напрасны были словесныя и иныя поощренія, коняка только тяжело дышала, глубоко втягивая бока и показывая обтянутыя взопрѣвшей кожей ребра, но отъ дальнѣйшаго движенія рѣшительно отказывалась.

Положеніе создавалось незавидное.

— Треба до мѣстечка ворочаться,—озадаченно почесалъ въ затылкѣ полякъ.

Легко сказать ворочаться, но не такъ легко это сдѣлать.

Я даже не рискнула спросить, какимъ образомъ,—было очевидно, что пѣшкомъ.

А часики на кожаномъ браслетѣ показывали уже 5, до раннихъ сентябрьскихъ сумерекъ было уже недалеко, и надо было рѣшаться, но на что?..

Я чуть не расплакалась малодушно. Дорога, какъ на зло, была пустынна, только разъ прокатилъ на низенькой сѣрой мотоциклеткѣ припавшій къ самому рулю, почти не отличимый отъ машины солдатъ изъ роты самокатчиковъ. Прокатилъ, обрызгалъ насъ грязью и даже глазомъ не сморгнулъ на наше бѣдствіе.

— Что жъ намъ дѣлать, панъ? Въ сотый разъ умоляюще повторила я, безпомощно бродя вокругъ осѣвшей на бокъ телѣги, и въ несбыточной надеждѣ щупая то оглоблю, то спицу колеса.

И въ сотый же разъ невозмутимо слѣдовалъ отвѣтъ.

— Треба до мѣстечка ворочаться.

Получалась какая то, доводящая до отчаянія, „сказка про бѣлаго бычка“.

Покоренная силою необходимости, я уже была готова подчиниться року, склонить передъ нимъ буйну голову, и ворочаться таки до мѣстечка, даже не представляя себѣ, что изъ этого выйдетъ, когда благодѣтельный случай пришелъ

намъ на выручку, сжалившись надъ нашей покорностью судьбѣ и долготерпѣніемъ.

Когда я повторила свой безсмысленный вопросъ въ 101-й и, рѣшительно, послѣдній разъ, я вмѣсто стереотипнаго отвѣта услышала слова:

— Чекайте, сестрица, никакъ кто ѣдетъ.

Вглядѣлась пристальнѣе въ направленіи, указанномъ крестьяниномъ, и съ несказанной радостью, увидѣла быстро приближающееся, темное, пыхтящее чудовище. Это оказался пустой санитарный автомобиль, возвращавшійся со станціи съ санитаромъ, тотчасъ же отрекомендовавшимся Николаемъ Николаевичемъ.

Николай Николаевичъ оказался очень любезнымъ и радушнымъ человѣкомъ.

Онъ не только пріютилъ и укрылъ меня отъ дождя, но еще предложилъ поѣсть и обѣщалъ доставить меня по назначенію.

— Небольшой намъ и крюкъ то будетъ. Ты, дружокъ, держи на А., надобно же сестрицу выручить,—ласково обратился онъ къ сидѣвшему на мѣстѣ шоффера солдату съ широкимъ козырькомъ на фуражкѣ.

Тотъ, не оборачиваясь, слегка кивнулъ головой. Затрещалъ моторъ, и мы понеслись впередъ, разбрызгивая озеро грязи.

Проѣзжая мимо одной изъ оставленной оби-

тателями усадебъ, мы были свидѣтелями заинтересовавшаго меня новизною зрѣлища.

Изъ широко раскрытыхъ воротъ усадебнаго двора быстро выбѣгали одинъ за другимъ солдаты. Бѣжали, бѣжали непрерывной лентой, ровно и аккуратно строились въ ряды.

Смутно поблескивали впереди трубы полковыхъ музыкантовъ.

Когда остановился, словно внезапно застывшій, людской потокъ, изъ воротъ появилась одинокая невысокая человѣческая фигура. Человѣкъ, видимо начальникъ, что то сказалъ коротко и не громко, чего я не разслышала за дальностью разстоянія, грянулъ невнятный гулъ общаго отвѣта, и вдругъ, подъ низко нависшимъ, сѣрымъ осеннимъ небомъ, подъ проливнымъ дождемъ, сопровождаемая очень отдаленными, похожими на глубокіе вздохи, выстрѣлами орудій, раздалась стройная и веселая музыка. Играли, какъ на парадѣ звучный, возбуждающій маршъ, и медленно качнулись сѣрые однообразные ряды людей, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, не вернутся.

Все это было мгновенное впечатлѣніе, перехваченное на быстромъ бѣгу автомобиля, но глубина его не пострадала отъ мимолетности.

Прижавшись лицомъ къ заплаканному, испе-

щенному дождевыми рябинами окну, я, сколько было возможно, смотрѣла назадъ, на мѣрно и спокойно шагающихъ по грязному, безпріютному полю, готовыхъ къ смерти, во имя высшей идеи блага родины, солдатъ.

Звуки марша еще нѣсколько времени доносились до насъ отдѣльными взрывами.

— Это, сестрица, должно быть Н-скій полкъ на фольваркѣ бивакомъ стоялъ.—Замѣтилъ Николай Николаевичъ, по своему истолковавъ мой интересъ.

— Хорошій полкъ. У меня тамъ знакомый фельдфебель былъ.

— Молодчина такой, въ плечахъ косая сажень, голосъ какъ изъ бочки, руками пятаки гнулъ въ свободную минуту—товарищамъ на забаву и удивленіе. И вѣдь, представьте, изъ за какого пустяка пропалъ—вспомнить обидно.

Ранило, знаете, въ сраженіи позади него лошадь. Т. е. мнѣ говорили, что ранило, а я думаю, что убило наповалъ. Только брякнулась она со всѣхъ четырехъ копытъ да лбомъ его и съѣздила по затылку, да такъ неудачно, что съ ногъ сбила, такъ онъ и остался на мѣстѣ, и что съ нимъ дальше было—неизвѣстно. Мнѣ одинъ раненый солдатикъ ихняго полка въ лазаретѣ разсказывалъ.

— Самъ, говоритъ, видалъ да сдѣлать ничего не могъ, потому въ атаку сразу пошли.

Вотъ это такъ судьба!

Вообще Николай Николаевичъ оказался разговорчивымъ человѣкомъ и всю дорогу занималъ меня разсказами изъ походной жизни, анекдотами и собственными наблюденіями.

Изъ множества другихъ мнѣ запомнились два наиболѣе характерныхъ и въ своемъ родѣ забавныхъ.

— Вообще подивишься другой разъ на судьбу человѣческую.

Приходитъ какъ то въ лазаретъ солдатъ и приводитъ товарища. Тотъ видимо „совсѣмъ не въ себѣ", „лихоманка" трясетъ", такъ что стучатъ зубы, едва на ногахъ стоитъ и не сознаетъ, что съ нимъ происходитъ. Ну растерли, напоили чаемъ горячимъ съ коньякомъ, укрыли чѣмъ нашлось. Бредъ открылся. И такой, знаете, воинственный бредъ, просто я удивился. „Держи"! кричитъ, „стой, не уйдешь, лѣшій, чертъ!" и прочее другое въ этомъ родѣ.

А товарищъ не уходитъ.

Разстаться ли жалко, или обогрѣлся подъ крышей. Ну, конечно, не гонятъ, пускай себѣ отдохнетъ человѣкъ.

Я его и спрашиваю:—Не знаешь ли, съ чего это онъ такъ разболѣлся?

А тому только того и хотѣлось, чтобъ побесѣдовать.

— Какъ не знать...—отвѣчаетъ и разсказываетъ слѣдующую исторію.

Расположилась рота бивакомъ въ покинутой опустошенной нѣмцами деревушкѣ. Составили ружья, развели посередь выгона костеръ, да пока кашеваръ щи заправлялъ, кто чай наскоблилъ ножикомъ да въ котелкѣ надъ огнемъ варитъ, а кто сапоги, да одежу сушитъ а кто раздѣлся да, извините,—насѣкомыхъ изъ рубахи собираетъ да въ кострѣ поджариваетъ.

Вотъ и онъ этимъ дѣломъ занимался,—показалъ солдатъ на больного.—А вечеръ то былъ холодный, вѣтренный.

Намъ то ничего, мы, извѣстно, люди привычные, а онъ то изъ городскихъ, изъ запасу, значитъ, и насѣкомая то его, необыкшаго, шибко донимала, а и крѣпости настоящей въ немъ не было. Вотъ его и схватило.

Я невольно улыбнулась разсказу и, ободренный вниманіемъ слушательницы, словоохотливый санитаръ сообщилъ мнѣ еще нѣсколько фактовъ изъ собственной практики, между прочимъ, о солдатикѣ неунывающемъ весельчакѣ и бала-

гурѣ, одномъ изъ типовъ, не представлявляющемъ исключенія среди нашихъ храбрыхъ и простыхъ воиновъ.

Пришелъ этотъ солдатикъ на пунктъ съ просьбой перевязать раздробленныя осколкомъ шрапнели пальцы.

Терпѣливо пропустивъ впередъ себя всѣхъ прочихъ товарищей по несчастью, онъ обратился къ доктору, когда началась перевязка.

— Такъ что, ваше в-родіе, вы меня извините, что я васъ задерживаю. Со мною вамъ бы, можно сказать, и связываться не стоитъ. Потому я человѣкъ пустой, и происшествіе со мной изъ-за пустяка приключилось.

Говоритъ и улыбается. У самаго съ руки кровь каплетъ, обстановку полевого лазарета вы и сами, сестрица, знаете, расписывать не приходится...

А онъ вдругъ этакую штуку разсказываетъ.

Сидѣли они, видите ли, цѣлую недѣлю въ окопахъ. Ну и иззябли и проголодались, а хуже всего на счетъ табаку приходилось. Безъ табаку солдату хуже, чѣмъ безъ хлѣба.

Табаку же никакими средствами не достать было.

Послѣднюю восьмушку сухими растертыми листьями разбавили, и на всѣхъ поровну подѣлили.

Вотъ тутъ и случилось, что у одного не курящаго солдатика изъ армянъ случайно нашлась завалявшаяся въ складкахъ кармана одна, измятая, надломленная, шеколаднаго цвѣта папироса. Когда дѣлили недѣли три тому назадъ присланные на позиціи изъ Петрограда подарки, онъ больше для „случая" (какъ пояснилъ самъ) взялъ 2—3 папиросы.

Одна изъ нихъ нашлась въ трудную минуту.

Армянинъ и вздумай пошутить.

— Получай, братцы, папироску. Тому достанется, кто обѣщается ее, сидя на брустверѣ, выкурить.

А день какъ разъ выдался безпокойный. Нѣмцы не жалѣли ни пуль, ни снарядовъ. Шрапнели рвались вдоль окоповъ, и пули свистѣли надъ головами.

Весельчакъ вызвался ради цыгарки рискнуть собственной шкурой.

Взялъ ее, вылѣзъ изъ окопа, сидитъ и раскуриваетъ.

Въ одной рукѣ спичку держитъ, а другой отъ вѣтра папиросу загораживаетъ.

Только вдругъ жжкъ...—Дернуло въ подставленную щиткомъ руку, даже боли сразу не почувствовалось, только закапала теплая кровь да пальцы стали „вродѣ какъ тряпочки". Въ за-

ключеніе разсказчикъ не безъ самодовольства добавилъ, что цыгарку онъ таки докурилъ. А потомъ слѣзъ съ бруствера и прямо отправился на перевязочный пунктъ.

XVI.

Около А. я распрощалась съ своимъ любезнымъ спутникомъ, горячо поблагодаривъ его за участье и оказанную помощь.

Новое мѣстонахожденіе нашего лазарета было всего верстахъ въ 4-хъ отъ переправы черезъ рѣку, которую отстаивали наши войска отъ наступательнаго движенія нѣмцевъ, дѣлавшихъ попытку прорваться къ сосѣднему городу.

Грохотъ снарядовъ слышался ясно, похожій на громовые удары и въ первые полчаса заставлялъ каждый разъ вздрагивать и дѣлать инстинктивное движеніе крестнаго знаменія.

— Чего добраго еще шальной чемоданъ къ намъ пожалуетъ—предостерегающе промолвилъ, проходя мимо, одинъ изъ фельдшеровъ. И вдругъ сознаніе близкой и возможной опасности ослѣпительно ясно и осязательно вступило въ мозгъ, но, къ удивленію, вызвало чувство любопытства, а не ужаса или муки.

Что за странное отступленіе отъ общепринятой логики?

И неожиданно всталъ въ памяти „l'homme qui rit"—офицеръ, встрѣченный въ еврейской лавочкѣ грязнаго мѣстечка.

Не аналогичное ли явленіе нарушеннаго душевнаго равновѣсія происходило и со мной?

Но не было времени для отвлеченныхъ разсужденій.

Дѣйствительность поглощала всѣ душевныя и физическія силы. Раненыхъ приходило много, но дѣло у рѣки было жаркое, и еще больше ихъ оставалось безъ помощи, повергая въ отчаяніе всѣхъ насъ, не имѣвшихъ возможности помочь имъ.

Особенно негодовали на благоразуміе „начальства", не разрѣшавшаго отправиться въ самый огонь подбирать раненыхъ, молодые люди изъ городской учащейся молодежи, присоединившіеся къ нашему отряду въ качествѣ санитаровъ-добровольцевъ.

Ужасъ, ужасъ что такое!—чуть не плакалъ одинъ изъ нихъ, совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ въ мягкой шляпѣ и городскомъ пальто.

— Сидишь здѣсь, какъ безъ рукъ, когда тамъ необходима помощь!

— Война, батенька мой, не самоубійство, а я

не покровитель самоубійцъ—сухо оборвалъ его проходившій мимо старшій врачъ, и тутъ же смягчился, бросивъ взглядъ на огорченное, вспыхнувшее румянцемъ лицо юноши.

— Молоды вы, голубчикъ, оттого и торопитесь! А дѣла тамъ еще на всѣхъ хватитъ. Охъ, на всѣхъ!

И, махнувъ рукой, съ выраженіемъ теплой печали въ глазахъ, докторъ крупными шагами зашагалъ дальше.

Вечерѣло, но пальба не прекращалась. Даже явственнѣе становились выстрѣлы, отъ которыхъ дребезжали стекла въ окнахъ хаты, отведенной подъ перевязочную.

Лица у всѣхъ были сосредоточены и серьезны. Всѣ избѣгали говорить о главномъ, о томъ, что творилось, казалось, подъ самыми окнами, въ темнотѣ ненастной сентябрьской ночи, освѣщаемой вспышками чудовищнаго адскаго фейерверка. Во второй и послѣдній разъ мнѣ пришлось быть отдаленной свидѣтельницей ночного боя.

Раненые шли и шли. Обрызганные грязью и кровью, съ лицами, словно опаленными боевымъ огнемъ, они казались фантастическими тѣнями, приходившими отъ иного страшнаго міра, начинавшагося тотчасъ же за дверьми тѣсной, переполненной людьми хаты.

Изъ этого міра они приносили жуткія вѣсти.

Непріятель, пытавшійся навести понтонный мостъ, терпѣлъ громадныя потери.

Каждый новый возводимый плашкоутъ тотчасъ же разрушался орудійнымъ огнемъ.

Нѣмцы падали рядами, тонули во множествѣ въ рѣкѣ, вода которой пріобрѣла алый оттѣнокъ не то отъ огня, не то отъ крови.

Но на смѣну павшимъ выступали изъ мрака все новыя и новыя колонны. И, должно быть, было нѣчто мистическое и нереальное въ этихъ выраставшихъ, какъ по злому волшебству, полчищахъ.

Но, странно, и эти разсказы не заставляли меня содрогаться, и снова и снова вспоминался контуженный офицеръ.

Вообще всю эту ночь меня почему то не покидалъ его образъ, и стояло предо мною отраженное въ зеркалѣ памяти искаженное гримасой, непонятное лицо. Мнѣ нездоровилось. Начинала болѣть голова. Руки и ноги были холодны, какъ ледъ. Въ спинѣ начинались подозрительныя покалыванья, такія знакомыя по прошлогодней зимѣ.

Сказалось утомленіе долгаго переѣзда, и такъ властно требовало тѣло заслуженнаго отдыха, что я задремала тутъ же среди раненыхъ, сидя

на краю лавки, сунувшись головой въ уголъ. Забытье мое продолжалось всего нѣсколько минутъ, но за это короткое время я успѣла увидѣть цѣлое множество, цѣлую пеструю вереницу сновъ.

За окномъ грохотали и ухали пушки, и доносившіеся до слуха неосознанные звуки помогали лихорадочному творчеству воображенія.

Какъ сейчасъ помню, что пригрезился мнѣ все тотъ же офицеръ, встрѣченный въ мѣстечкѣ.

Онъ сидѣлъ въ темномъ углу лавочки передъ высокимъ, тускло мерцавшимъ въ сумракѣ зеркаломъ, присутствію котораго я нисколько не удивилась.

Не удивилась я и тому обстоятельству, что когда офицеръ поворачивался къ зеркалу лицомъ, въ стеклѣ отражалась его спина и затылокъ, а когда поворачивался спиной—отражалось лицо.

Вотъ такой онъ будетъ, когда вернется домой, ясно подумалось мнѣ. Но офицеръ видимо приходилъ въ ярость.

Онъ топалъ ногами, плевался, кричалъ, билъ кулаками по зеркалу, и звукъ ударовъ былъ гулкій—бумъ... бумъ... бумъ, тонкимъ звономъ дребезжало стекло.

Вдругъ изъ за спины офицера вынырнула

тощая фигура продавца. Полы его длиннаго сюртука развѣвались, какъ отъ сильнаго вѣтра, и кружились за спиной, какъ флаги или черныя крылья.

Онъ размахивалъ огромнымъ ржавымъ пистолетомъ и вдругъ выстрѣлилъ въ зеркало, разъ и другой и третій...

Я вздрогнула такъ сильно, что едва не упала съ лавки и открыла испуганные, еще не сознающіе окружающаго глаза... Гремѣла канонада. Около меня стоялъ, заботливо склонившійся, Алексѣй Петровичъ.

— Что съ вами, сестрица?

— Вы бредите; это, голубушка, переутомленіе. Надо расчитывать свои силы,—и тутъ же махнулъ рукой, почувствовавъ фальшь и безполезность произнесенныхъ словъ—а, впрочемъ, расчитай-ка тутъ!—досадливо окончилъ онъ.

Но я уже оправилась и постаралась улыбнуться.

— Не обращайте вниманія, докторъ, я устала очень и, кажется, вздремнула нечаянно. Простите, пожалуйста.

И потомъ, что то мнѣ въ спину покалываетъ...

И вдругъ неожиданно дрогнули у меня губы. Неодолимо, стихійно потянуло сейчасъ, сію же минуту лечь въ чистую постель, протянуться

подъ одѣяломъ и закрыть глаза на много, много часовъ.

Чтобы скрыть минутную слабость, я быстро отвернулась отъ собесѣдника и поспѣшила на зовъ раненаго, жалобно просившаго пить.

Какъ сквозь дымку видѣла я въ эту ночь множество лицъ, блѣдныхъ, искаженныхъ болью, запачканныхъ землею и кровью, между ними было много знакомыхъ: и панна Ванда, и еврей изъ мѣстечка, и Николай Николаевичъ, они приходили и уходили, и когда я пробовала ихъ отыскать, чтобъ разспросить, какъ они попали на пунктъ, вмѣсто нихъ смотрѣли на меня чужіе глаза, копошились сѣрыя фигуры солдатъ, раздавались стоны и просьбы о помощи.

— Сестрица, а сестрица, окликнулъ меня одинъ изъ раненыхъ. Никакъ мы въ А. находимся?

— Въ А.—разсѣянно отвѣтила я, съ трудомъ собираясь съ разбѣгавшимися мыслями.

— Ахъ ты, Господи,—заволновался раненый,—такъ вѣдь я тутошній, може и жена здѣсь, да про меня ничего не знаетъ. Ахъ ты, Господи.

— Вишь вѣдь дѣло то какое,—вздохнулъ лежавшій рядомъ и тутъ же оборвался и стиснулъ зубы отъ приступа боли.

XVII.

Въ эту ночь все было необычайно и похоже на кошмаръ.

Одинъ изъ снарядовъ угодилъ въ хату на другомъ концѣ улицы, и весело запылало подожженое строеніе, взметнувъ въ черную пасть неба цѣлый дождь золотыхъ червонцевъ.

Привели раненаго черномазаго солдатика изъ евреевъ съ разбитой головой.

Бѣдняга былъ засыпанъ землей, вскинутой кверху разорвавшимся чемоданомъ, причемъ одинъ изъ камней упалъ ему на голову. Рана не была серьезной, но солдатикъ былъ оглушенъ и огорошенъ и словно еще не пришелъ въ себя.

Онъ вздрагивалъ всѣмъ своимъ щупленькимъ тѣломъ и оглядывался растерянным взоромъ не ясно сознавая происходившее.

Принесли другого раненаго въ ногу, еще съ вечера пролежавшаго въ водѣ, пока его не подобрали проходившіе мимо товарищи. Онъ весь окоченѣлъ отъ холода, ручьи воды стекали съ одежды, а посинѣвшія губы лепетали о томъ страшномъ, что глубоко потрясло душу и не выходило изъ головы:

— Лежу въ водѣ, а мимо каски плывутъ, а въ каскахъ—мозги. Теченіемъ то ихъ къ берегу прибиваетъ, отталкиваю отъ себя, а они крутятся, жмутся. Охъ, страсть Господня...

Холодокъ проходилъ и шевелилъ волосы на головѣ отъ прерывающихся словъ, исходившихъ отъ еще покрытаго иломъ, грязью и кровью человѣка.

„Страсть Господня" продолжалась до разсвѣта. Наконецъ, прилетѣли крылатыя вѣсти о томъ, что нѣмцы не выдержали. Неудачныя попытки переправиться вплавь, вбродъ и на лодкахъ стоила имъ слишкомъ дорого. Дрогнули и побѣжали, не вынеся натиска первые ряды, а за ними, подхваченные стихійнымъ бѣгствомъ и остальные, перескакивая черезъ упавшихъ, роняя оружіе, крича дикимъ воплемъ перепуганныхъ животныхъ.

Подъ утро явилась возможность отправить санитаровъ и сестеръ подбирать раненыхъ на полѣ сраженія.

Чуть, чуть брезжилъ разсвѣтъ и поблѣднѣли ночныя тѣни, когда мы прибыли въ длинную, узкую, склоняющуюся къ рѣкѣ лощину, служившую въ предыдущія сутки ареной титанической борьбы.

Отъ воды поднимался и стлался низко, будто

прилипая къ землѣ, густой и ѣдкій, какъ дымъ, предутренній туманъ, обволакивая предметы и придавая имъ необычные, причудливые очертанія и размѣры.

Было тепло, тихо и такъ сыро, что самъ воздухъ, казалось, отяжелѣлъ отъ обилія водяныхъ паровъ и висѣлъ надъ землей грузно и неподвижно, какъ пологъ.

Ноги утопали въ жидкой, чмокающей грязи. При приближеніи человѣка грузно взлетали вороны, хлопая обвислыми крыльями и сердито каркая на непрошенную помѣху.

Тутъ и тамъ слабо вздрагивали голыми, черными сучьями одинокія, прибрежныя ветлы.

Многое множество народу полегло въ этихъ мѣстахъ за предыдущую ночь. Въ ложбинкахъ и ямахъ скопилось такое множество живыхъ и не живыхъ своихъ и чужихъ тѣлъ, примиренныхъ рукою всесильной смерти, что почти сравнялись неровности почвы.

Въ крошечной деревушкѣ, лѣпившейся на краю лощины нѣсколькими ветхими, бѣдными, брошенными халупами, кишмя кишѣли раненые, или неумѣло перевязанные своими руками, или руками товарищей, или совсѣмъ не перевязанные.

Стенанья, жалобныя просьбы о помощи неслись изъ этого поселка страдальцевъ.

Тѣ, кто былъ сильнѣе, помогали слабѣйшимъ.

Около огромнаго досчатаго сарая, кое-какъ сколоченнаго и служившаго, вѣроятно, сѣноваломъ, былъ водруженъ на палкѣ импровизированный флагъ, сдѣланный изъ бѣлой обмокшей и печально обвисшей тряпицы.

Заглянули внутрь и, когда глаза привыкли къ блѣдному болѣзненному свѣту, падавшему изъ щелей неплотно прилаженныхъ досокъ, различили въ углу человѣческія фигуры.

Раненыхъ было трое: русскій съ прострѣленной ногой и двое нѣмцевъ. Только русскій былъ живъ, оба нѣмца умерли за тѣ долгіе часы, пока всѣ трое лежали въ ожиданіи человѣческой помощи.

— Я самъ имъ и глаза закрылъ, быстро, весь дрожа, говорилъ солдатикъ, пока его укладывали на носилки, блестя неестественно яркими, возбужденными глазами.

— До того мучились, до того мучились, бѣдняги, просто душа, на нихъ глядя, изболѣла. Особливо одинъ... Говоритъ что-то по своему, вижу, что проситъ, а чего—не пойму. Просто горе... Я ему и то и другое... Потомъ легъ рядомъ и держу его за руку... Такъ и лежали; онъ быдто тише, тише сталъ, потомъ и совсѣмъ замолчалъ, а рука, чувствую, холодѣетъ.

— Померъ значитъ.

Обрадованный спасеніемъ, на которое онъ больше почти не надѣялся, солдатикъ на время пересталъ даже чувствовать боль, и съ уносимыхъ въ туманную даль носилокъ все еще неслась его рѣчь, быстрая, захлебывающаяся, прерывистая.

Переходя отъ одного къ другому, отправляя однѣ носилки и тотчасъ-же нагружая слѣдующія, мы постепенно спускались къ рѣкѣ.

По мѣрѣ приближенія дня, туманъ становился бѣлѣе, но не рѣдѣлъ и попрежнему слѣпилъ глаза, заглушалъ звуки и связывалъ движенія, стѣсняя въ работѣ.

Подъ ногами зашлепала проступавшая съ каждымъ шагомъ вода, холодные, твердые и колючіе листья осоки зашуршали, касаясь одежды, смутно заблестѣли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди подвижныя водяныя струйки.

Раненыхъ поднимали прямо изъ болота, промокшихъ и окоченѣвшихъ.

Обманутая призрачнымъ мельканіемъ бѣлыхъ пушистыхъ болотныхъ метелокъ, я сдѣлала нѣсколько неосторожныхъ шаговъ и чуть не упала, рѣзко остановившись передъ неожиданнымъ препятствіемъ.

Нога моя наткнулась на какой то круглый

предметъ и, торопливо отдернутая, легко соскользнула въ воду.

Ледяныя, противныя струи забулькали, наполняя мой прекрасный мужицкій сапогъ, словно торжествуя побѣду надъ человѣческой изобрѣтательностью и хитростью.

Я успѣла ухватиться за какіе-то торчащіе изъ воды обломки и, едва удержавшись на ногахъ и вернувъ тѣлу чуть не утраченное равновѣсіе, наклонилась, чтобы разглядѣть человѣка, на котораго едва не наступила.

На меня смотрѣли съ уже ничѣмъ невозмутимымъ покоемъ мертвые глаза нѣмецкаго пѣхотинца. Голова его была покрыта почернѣвшей запекшейся кровью, туловище было защемлено между обломкомъ разбитой лодки и выступавшими изъ рѣки корявыми корнями, сползшаго съ подмытаго берега дерева, а ноги безвольно и безпомощно плавали по волѣ теченія.

И было во всемъ обликѣ этого человѣка, въ особенности въ этихъ жалкихъ ногахъ, похожихъ на ноги тѣхъ тряпичныхъ куколъ, которыхъ шьютъ няньки на забаву ребятишкамъ, что то до того жуткое, до того поразившее мое и безъ того взвинченное начинающейся болѣзнью воображеніе, что я вскрикнула отчаянно и громко, сама не узнавая собственнаго голоса.

Отвѣтили мнѣ разомъ съ двухъ сторонъ:

— Гдѣ вы, сестрица—донесся встревоженный голосъ, спѣшившаго мнѣ на выручку санитара, а съ противоположной стороны послышалось долгое, будто призывное ржанье невидимой за завѣсой тумана лошади.

— Слышали... Лошадь... схватила я за руку подошедшаго санитара.

— Лошадь. А съ вами то что, сестрица. Напугали васъ или обидѣли?

— Ахъ, ничего, ничего, я просто оступилась,—отмахнулась я, чувствуя какъ ускользаетъ изъ памяти только что пережитый испугъ.

— Надо пойти туда, къ лошади.

Посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ кого нибудь.

И не оборачиваясь, слыша за своей спиной хлюпающіе шаги спутниковъ - санитаровъ, я пошла по направленію, откуда долетѣлъ звукъ.

Оріентироваться въ туманѣ было нелегко. Мы нѣсколько времени кружили на одномъ мѣстѣ, давая другъ другу одинаково неудачные совѣты и предупрежденія, какъ вдругъ, словно изъ подъ земли, выросъ передъ самыми глазами чудовищно преувеличенный туманной дымкой силуэтъ лошади. Это и было то, чего мы искали. Лошадь стояла совершенно неподвижно, только

голова ея поворачивалась то направо, то налѣво, глядя на подошедшихъ большими, умными глазами, въ которыхъ, казалось, сосредоточилась вся напряженная воля благодарнаго животнаго.

На землѣ у ногъ лошади лежалъ простертый раненый молодой офицеръ.

Лицо его было блѣдно, глаза закрыты, а плечо окровавлено, но покой его не былъ покоемъ смерти.

Дружнымъ, осторожнымъ и вѣрнымъ движеніемъ подняли санитары носилки съ драгоцѣнной ношей, и мы медленно тронулись въ обратный путь, а за нами шла лошадь, не пожелавшая оставить своего господина.

XVIII.

Возвращеніе было медленное и трудное.

Дорога шла въ гору. Ноги снова скользили и вязли въ глинистомъ грунтѣ.

Понемногу свѣтало. Точно рѣдѣла и блѣднѣла молочно-бѣлая кисея тумана. Мѣстность странно и какъ то нерадостно измѣнилась за недолгое время нашего отсутствія. Не было больше слышно ни стоновъ, ни мольбы, ни одного жи-

вого звука, кромѣ рѣзкаго карканья и шелеста крыльевъ взлетавшаго при нашемъ приближеніи ворона.

Но и въ самомъ этомъ безмолвіи было нѣчто тревожное, зловѣщее, будто затаившееся въ туманѣ.

На землѣ темнѣли какіе то смутно различимые, безформенные предметы и, среди нихъ раза два не то померещились, не то на самомъ дѣлѣ переползли, неслышно скользнули пригибаясь, чтобы быть незамѣченными, какія то быстрыя тѣни.

Вся обстановка была такъ странна, такъ похожа на лихорадочный сонъ, на бредъ больного воображенія, что было жутко подѣлиться своими наблюденіями.

Это сдѣлалъ вмѣсто меня одинъ изъ несшихъ носилки санитаровъ.

— Смотрите-ка, никакъ randomродеришики на охоту повыползли, — промолвилъ онъ негромко, движеніемъ головы показывая на одну изъ загадочныхъ фигуръ.

— Мародеръ,—невольно облегченнымъ вздохомъ вырвалось у меня.

Слава Богу, значитъ, я еще не брежу, и такъ легко и просто найдено объясненіе хотя одному изъ фантастическихъ явленій, среди которыхъ мы

жили въ послѣдніе часы. Мнѣ вдругъ стало почти весело и явилась непреодолимая потребность поговорить, услышать милые простые звуки человѣческаго голоса, такіе успокаивающіе и ободряющіе.

Вѣроятно, не у одной меня было это желаніе.

— Н-да, и народецъ же, мародеришки эти!— раздумчиво откликнулся другой санитаръ.

— Приходилось тоже про ихъ дѣла то слышать. Нечего сказать и дѣла чудныя; ну да и публика же!.. Коммерсанты. Ничѣмъ не брезгаютъ. Вотъ недавно солдатикъ одинъ разсказывалъ:

— Было у нихъ сраженіе при рѣкѣ. Случилось же такъ, что нѣмцевъ на плоты загнали— да и раскатали, ну прямо, до-чиста.

Понятно многое множество ихъ въ воду попадало и живыхъ и раненыхъ; да по теченію и плывутъ.

— Да ужъ страсть, что и говорить, послѣ паузы согласился первый,

а вотъ нѣмецкіе и солдаты не лучше поступаютъ.

— Съ своихъ же убитыхъ да раненыхъ сапоги стаскиваютъ, часы вынимаютъ. Самому разъ издали видѣть пришлось, а то бы не повѣрилъ. Помню, такое зло тогда взяло, что такъ бы вотъ и пристрѣлилъ мерзавца, только должность не позволяетъ.

— Отъ нѣмца всего ждать можно. Одно названіе, что солдатъ, а то такъ просто разбойникъ. А главное и своихъ не жалѣетъ. Бываетъ, изъ какой деревни уйдутъ, тамъ раненыхъ своихъ видимо невидимо побросаютъ. Наши же съ ними и возятся, потому что все-таки человѣкъ и ему тоже больно... Разговоръ былъ прерванъ неожиданной, надолго оставшейся въ памяти встрѣчей.

Было уже почти свѣтло, но солнца не было и тусклый свинцовый оттѣнокъ лежалъ на всемъ окружающемъ.

Вдругъ до нашего слуха коснулся тоненькій, похожій на дѣтскій, плачъ.

Мы всѣ трое разомъ переглянулись и насторожились.

— Слышали?

— Плачетъ кто то...

— Плачетъ и есть...

Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди съ грязной земли поднялась худощавая высокая человѣческая фигура и медленно, пошатываясь, двинулась намъ навстрѣчу.

Когда она поровнялась съ нами, это оказался германскій солдатъ, совсѣмъ молодой, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ безумный кайзеръ прямо со школьной скамьи вовлекъ въ свою кровавую, честолюбивую авантюру.

Раненъ онъ не былъ. Но на изможденномъ, блѣдномъ и больномъ лицѣ его мучительно сіяли большіе, залитые слезами глаза съ безумнымъ, блуждающимъ взоромъ.

Онъ остановился, сложилъ руки и, продолжая плакать, сталъ лепетать что то невнятное, не то умоляющее, не то извиняющееся, въ чемъ невозможно было уловить смысла.

Сердце во мнѣ дрогнуло отъ жалости, отъ состраданія къ этому безпомощному, запуганному, больному „врагу“.

Я попробовала заговорить съ нимъ по-нѣмецки, приласкать, ободрить, но при первыхъ же звукахъ незнакомаго голоса, мальчикъ, какъ запуганный звѣрекъ, бросился въ сторону и, не оборачиваясь на наши оклики, спотыкаясь и скользя, побѣжалъ прочь по разрытому, мутному, туманному полю.

Такъ онъ и скрылся изъ нашихъ глазъ, словно за тѣмъ только и появился, чтобъ пожаловаться на свою судьбу,

— Эхъ вѣдь, бѣдняга, — услышала я за спиной тихій и грустный вздохъ.

Тяжелыя впечатлѣнія и встрѣчи этимъ еще не кончились. Мы были уже не далеко отъ конечной цѣли нашего пути, когда съ нами поровнялась подобная нашей процессія.

Санитары несли на носилкахъ раненую сестру милосердія. Голова ея была закинута, глаза закрыты, на бѣлой косынкѣ рѣзко алѣли кровавыя пятна.

Сзади шелъ пожилой крестьянинъ съ шапкой въ рукахъ.

Это онъ и указалъ санитарамъ неглубокую канаву за деревней, гдѣ лежала раненая при исполненіи своихъ святыхъ обазанностей сестрица.

Суровое, обвѣтренное мужицкое лицо выражало неподдѣльную грусть, брови были сдвинуты, губы плотно сжаты.

На мое обращеніе онъ ничего не отвѣтилъ, только, словно въ досадѣ, махнулъ рукой вы-

разительнымъ и сильнымъ жестомъ и широко зашагалъ дальше, врядъ ли самъ отдавая себѣ ясный отчетъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ...

Между тѣмъ, мы поднялись на пригорокъ. Стало легче идти по болѣе сухой и твердой почвѣ, пропало отвратительное ощущенiе пронизывающей, обволакивающей сырости.

Еще немного и приземистыя одноцвѣтные силуэты халупъ вырисовались въ свѣтлой холодной дали.

XIX.

Когда наше шествiе добралось до пункта, было около полудня.

Бѣлый, тусклый невеселый день разцвѣлъ незамѣтно на смѣну утреннимъ сумеркамъ.

Около лазарета шла усиленная работа по прiему и перевязкѣ однихъ и спѣшной эвакуацiи другихъ раненыхъ.

По дороги тянулись вереницей санитарныя двуколки и простыя крестьянскiя подводы, пыхтя и гремя, обгоняли ихъ быстроногiе автомобили. У крыльца стоялъ фургонъ, отмѣченный знакомъ Краснаго Креста, и вокругъ него суетились нѣсколько человѣкъ, изъ дверей кого то выносили.

Метнулась въ глаза рѣзкимъ пятномъ бѣлѣвшая фигура Алексѣя Петровича въ халатѣ, обрызганномъ кровью. Онъ стоялъ на крыльцѣ, съ нервной поспѣшностью затягивался папиросой, не переставая что то раздѣльно и вразумительно объяснять стоявшему передъ нимъ фельдшеру.

Мой мозгъ, утомленный и больной, не охватывалъ всей полноты картины и вырывалъ изъ нея отдѣльные, наиболѣе яркіе клочки. Голова у меня горѣла и минутами казалось, что вотъ вотъ упаду.

Начинался ознобъ, вызванный вѣроятно приключеніемъ у рѣки.

Пришлось прибѣгнуть къ средству, предложенному одной изъ заботливыхъ подругъ: выпить почти залпомъ стаканъ горячаго, какъ огонь, чаю съ коньякомъ, чтобы поддержать упавшія силы и побороть начинавшуюся лихорадку.

Послѣ чаю и коньяку по тѣлу побѣжали теплыя струйки, слегка зашумѣло въ ушахъ, но руки и ноги согрѣлись и вернулась способность работать.

Припоминаю только одинъ изъ инцидентовъ этого многотруднаго дня, чудомъ зацѣпившійся за какой то зубчикъ въ головѣ.

Подозвалъ меня знакомъ одинъ изъ лежавшихъ тутъ же въ лазаретѣ среди другихъ раненый

нѣмецъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, чертъ котораго уже коснулась смерть своей костлявой рукой. Съ трудомъ протягиваетъ отсырѣвшій и измятый, долго лежавшій въ карманѣ конвертъ съ адресомъ и говоритъ, едва шевеля запекшимися губами:

— Напишите матушкѣ, что я умеръ и отошлите, ради Бога...

Бѣдняга, дѣйствительно, скончался немного спустя, не приходя болѣе въ сознаніе.

Желаніе, выраженное имъ передъ смертью, я въ точности исполнила немного позже.

Благодаря энергіи и усердію медицинскаго персонала, въ этотъ утомительный день была приведена въ исполненіе, казавшаяся почти невыполнимой, задача: къ вечеру почти всѣ раненые были перевезены въ городъ. Осталось до утра только нѣсколько легко раненыхъ и прибывшихъ на пунктъ позже прочихъ.

Множество людей измученныхъ, голодныхъ и продрогшихъ были водворены въ теплыя помѣщенія городскихъ госпиталей, накормлены, обмыты и уложены въ чистыя удобныя постели.

Едва-едва черезъ силу добралась я до хаты, гдѣ помѣщались сестры и, какъ подкошенная, свалилась побѣжденная, уничтоженная, разбитая болѣзнью. Всю эту ночь я металась, не на-

ходя себѣ мѣста, одолѣваемая странными и страшными видѣніями. Голова, казалось, готова была лопнуть отъ внутренняго жара, колотья въ спинѣ не прекращались и было мучительно трудно дышать.

Много пришлось повозиться со мной моимъ бѣднымъ подругамъ, вмѣсто того, чтобъ отдохнуть отъ усталости цѣлыхъ двухъ сутокъ.

Раннимъ утромъ зашелъ оповѣщенный о моей болѣзни докторъ Алексѣй Петровичъ. Лицо его было встревожено.

— Что это вы, сестрица, хворать вздумали?— Не время, не время да и не мѣсто,—слышала я знакомый голосъ, доносившійся словно издалека.

Когда, выстукавъ и выслушавъ меня, докторъ заговорилъ снова, тонъ его былъ уже инымъ, болѣе вѣскимъ, твердымъ и безапеляціоннымъ: онъ уже зналъ, съ чѣмъ именно считаться и не предлагалъ, не совѣтовалъ, а приказывалъ.

— Въ городъ необходимо ѣхать, сестрица. Здѣсь больше не ваше мѣсто. Поработали, сколько могли, а противъ рожна не попрешь.

Съ плевритомъ, голубушка, да еще повторнымъ, не шутятъ, такъ-то... Сестра В.,—позвалъ докторъ, уже отвернувшись отъ меня и обращаясь къ подошедшей сестрѣ, сталъ отдавать соотвѣтственныя распоряженія.

Немного спустя, я, уже закутанная „по-дорожному“, была устроена въ глубинѣ санитарнаго автомобиля.

Вмѣстѣ со мною перевозили еще троихъ изъ послѣднихъ оставшихся раненыхъ.

Лицо одного изъ нихъ было мнѣ знакомо. Я долго и мучительно припоминала, гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ я его видѣла, и понемногу въ памяти встала картина туманной лощины, призрачныя хлопья болотныхъ растенiй, блестящiя змѣйки воды, ржанье лошади и блѣдное лицо раненаго офицера.

Теперь это лицо было уже живѣе и казалось новымъ, освѣщенное широко раскрытыми, молодыми и ясными глазами.

Сквозь стекло я смотрѣла прощальнымъ взглядомъ на послѣднiй этапъ моего труднаго и радостнаго пути, на невзрачную хатку, осѣненную знаменемъ милосердiя, на группу сестеръ, вышедшихъ меня проводить, на фигуру кругленькаго, добродушнаго, вѣчно озабоченнаго С., спѣшившаго съ крыльца, чтобы еще разъ пожать мою руку.

— Счастливо доѣхать, сестрица, и скорѣе поправиться, не забывайте насъ всѣхъ, тѣхъ кто остается.

— До свиданья, докторъ, спасибо, спасибо...— голосъ мой прервался.

Ни при какихъ, быть можетъ, обстоятельствахъ, не расцвѣтаютъ такъ богато и пышно сокровища душъ человѣческихъ, какъ при разставаніи.

Никогда не открываешь такіе неожиданные, благодарные источники ласки, деликатности и нѣжности, какъ въ мучительно сладкую минуту прощанія.

Вотъ, что случилось со мною въ самый послѣдній передъ отъѣздомъ моментъ.

Въ окно каретки заглянули два маленькихъ, розовыхъ, немного растерянныхъ личика. Взволнованная и озабоченная, я не замѣтила, откуда они взялись, эти незнакомые, похожіе на Ваню и Машу изъ сказки, ребятишки.

Они прибѣжали проститься.

На полупонятномъ польскомъ языкѣ они объяснили, что ихъ послала мама, что папа на войнѣ и холодныя дѣтскія рученки совали какой то, не успѣвшій простынуть пакетикъ въ промаслившейся бумагѣ. Вѣроятно пирожки или печенье, или еще что нибудь вкусное, состряпанное любящими ручками женщины во имя того, чье страданье намъ, быть можетъ, привелось облегчить.

Но это было еще не все.

Когда я, горячо разцѣловавъ дѣтокъ, предложила имъ раздѣлить между собою маминъ гостинецъ и скушать его за мое здоровье, дѣвочка, совсѣмъ ужъ смутившись, протянула мнѣ маленькій, стянутый тряпочкой букетикъ бѣдныхъ, позднихъ полевыхъ цвѣтовъ.

Это было больше, чѣмъ могли выдержать мои издерганные болѣзнью и всѣми пережитыми событіями нервы.

Хорошія, теплыя, отрадныя слезы такъ и брызнули.

Я обѣими руками обхватила лохматыя головенки, на минутку прижала ихъ къ своей груди, и было у меня такое ощущеніе, точно своихъ собственныхъ дорогихъ, такъ давно отнятыхъ и вновь обрѣтенныхъ дѣтокъ я снова баюкаю на своихъ рукахъ.

Все это было быстро и мимолетно.

Кругомъ неумолимо спокойно и дѣловито кипѣла жизнь, суета, дѣятельность.

Чей то голосъ громко и сердито распоряжался и давалъ какія то порученія.

Неугомонный Алексѣй Петровичъ уже безъ признака сантиментальности торопилъ отъѣздъ.

Ребятишки спорхнули, какъ спугнутые птенцы,

и мигомъ затерялись между шнырявшими туда и сюда занятыми озабоченными людьми.

Только мокрый полузавядшій букетикъ остался у меня на колѣняхъ, какъ лишняя памятка о недавнемъ прошломъ.

Захлопнулась дверца, мы поѣхали.

Еще нѣсколько мгновеній рѣяли въ воздухѣ, развѣваемыя вѣтромъ бѣлыя косыночки сестеръ, точно стая бѣлыхъ голубей хлопотала и перепархивала у низкой двери халупки, потомъ за крутымъ поворотомъ разомъ нырнули въ область минувшаго и халупка, и голуби, и все пережитое и перечувствованное за все это трудное время.

Въ область минувшаго, но не въ область забвенія.

Нѣтъ, я не забуду васъ оставшихся на святомъ посту, славныхъ подругъ и товарищей.

Я не забуду васъ, милый Алексѣй Петровичъ, съ вашей простой душой, открытой для всего добраго, кроткую и чистую Ольгу Александровну, добраго, ласковаго Николая Николаевича и всѣхъ васъ, дорогія сестры, пѣстовавшія меня въ послѣднюю ночь.

Я не забуду и васъ, родные солдатики, безсознательные герои, скромныя, веселыя, правдивыя и незлобивыя дѣти.

Я не забуду ни одного дня, ни одного часа проведеннаго среди васъ, я сумѣю сберечь то драгоцѣнное сокровище, которое обрѣла цѣною трудовъ, лишеній и безсонныхъ ночей.

XX.

Упруго подпрыгиваютъ по ухабамъ и рытвинамъ дорогъ толстыя шины автомобиля.

Брызги грязи тяжело шлепаются о поднятыя стекла оконъ. День пасмурный, сѣрый, холодный прощальный день.

Быстро мелькаютъ, убѣгая назадъ, однообразныя, не радующія взгляда картины.

Пахоты, недавно орошенныя кровью. Разрушенныя деревни.

Сожженныя имѣнія съ печальными остовами когда то нарядныхъ построекъ, просвѣчивающими сквозь сѣть обнаженныхъ вѣтвей, и снова пахоты съ разсѣянными тутъ и тамъ скромными крестами братскихъ могилъ, своихъ или чужихъ?—не все ли равно. Рука сама собою поднимается и творитъ крестное знаменіе.

Проѣзжаемъ маленькой рощицей. Чуть слышно шелестятъ подъ колесами недавно опавшіе,

толстымъ слоемъ лежащіе, черные, истлѣвающіе листья. Какая то запоздалая птица кричитъ надъ сырыми, рыхлыми кочками.

Краснѣютъ головки грибовъ, и чудится ихъ вкусный, влажный запахъ. Грибовъ много, но никто ихъ не собираетъ, и медленно подгниваютъ и проваливаются, теряя щегольскую окраску, ихъ шляпки, пропадаютъ ненужно и безцѣльно.

Всѣ мы четверо, населившіе автомобиль своими болѣзнями, болью и страданьями, молчимъ въ своихъ углахъ и не пытаемся завести знакомства и разговора.

Не до разговора теперь.

У каждаго своя забота, своя тягота, свои переживанія, въ которыхъ впору разобраться самому. Какъ это обычно случается, быстро отошли и погасли суета и волненіе, неизмѣнные спутники отъѣзда.

Размѣренность движенія успокаиваетъ и помогаетъ разматываться клубку длинныхъ, легкихъ, непослѣдовательныхъ мыслей.

Букетикъ, подаренный „Ваней и Машей“, увядаетъ, заложенный за бортъ моего пальто.

Желтенькія головки цвѣтовъ какъ то смялись, повисли на обмякшихъ, опустившихся

стебляхъ и безпомощно болтаются при каждомъ толчкѣ.

Взглядываю на нихъ, и становится на сердцѣ и свѣтло и грустно. И тутъ же приходитъ въ голову, что никогда раньше не случалось такъ ясно, такъ непосредственно ощущать эту близость, это касаніе грусти и свѣтлой радости.

Это еще одно изъ знаній, пріобрѣтенное за время пребыванія на войнѣ. А какое это утѣшительное, какое необходимое въ жизни знаніе!

Радость осени... Грусть весеннихъ дней... По непроизвольной ассоціаціи, оборачиваюсь къ окну.

За стеклами блѣдно-голубое, чуть-чуть окрашенное небо, такое холодное, прозрачное и безпріютное.

Рощица кончается и дорога круто склоняется въ небольшой, неглубокій оврагъ.

Послѣдніе тоненькіе, голые, точно дрогнущіе деревца беззащитно и прямо поднимаютъ въ безвѣтренномъ воздухѣ хрупкія, капризнаго узора вѣточки.

Молодой офицеръ, одинъ изъ спутниковъ, тоже задумчиво смотритъ на природу, но взглядъ его какой то отсутствующій, такъ что врядъ ли онъ даже замѣчаетъ мелькающіе мимо виды,

вѣрнѣе же думаетъ о чемъ то, не имѣющемъ отношенія къ тому, на что устремленъ разсѣянный взоръ.

Кстати, изъ всѣхъ насъ четверыхъ, связанныхъ общей участью, онъ былъ единственный за всю дорогу, нарушившій молчаніе.

— Странное дѣло,—вымолвилъ онъ послѣ такого долгаго безмолвія и такъ неожиданно, что всѣ мы такъ и вздрогнули, хотя звукъ голоса былъ совсѣмъ тихій, какъ если-бъ говорившій обращался къ самому себѣ за разрѣшеніемъ постепенно созрѣвшаго вопроса:

— Странное дѣло. Вѣдь какъ тяжело пришлось въ эти 2—3 недѣли. Сколько перевидать, перечувствовать—на всю жизнь хватитъ. Одинъ этотъ страхъ передъ первымъ снарядомъ, передъ первымъ моментомъ, когда командуешь „цѣпь, встать“. Его всякій новичекъ въ сраженіи испытываетъ. И вотъ все-таки жалко уѣзжать. То есть такъ жалко! Только бы поправиться, да скорѣе назадъ въ дѣло.

Всю свою тираду онъ выговорилъ медленно съ трудомъ и разстановкой, видимо глубоко заглядывая въ собственную душу и стараясь разобраться въ ней.

Никто не отвѣтилъ.

Да и не нуженъ, излишенъ былъ бы отвѣтъ;

вѣрность же мысли, высказанной молодымъ человѣкомъ, вѣроятно, почувствовали всѣ.

Мчимся дальше.

Автомобиль обгоняетъ цѣлый отрядъ велосипедистовъ.

Ѣдутъ, дѣловито и проворно работая сильными ногами; мы окачиваемъ ихъ грязью, но никто изъ нихъ даже не оборачивается, и отъ этого становится какъ то еще болѣе неловко за неделикатность нашего экипажа.

Обгоняемъ группу казаковъ, возвращающихся, быть можетъ, съ развѣдки. Эти оживлены, перекликаются между собою и зычно хохочутъ, сверкая бѣлыми зубами. Молодецъ къ молодцу, и кажется, что лошади имъ не по росту малы. Приходятъ на память слышанныя во множествѣ исторіи, свидѣтельствующія о положительно сказочной храбрости и отвагѣ, о геройствѣ и подвигахъ этихъ артистовъ войны. Вспоминаются и отдѣльные типы, съ которыми приходилось сталкиваться въ лазаретѣ.

Казаки на самомъ дѣлѣ артисты войны,— настаиваю на этомъ опредѣленіи.

Если самъ по себѣ, въ среднемъ, нашъ русскій солдатикъ,—одна изъ безчисленныхъ единицъ „христолюбиваго воинства“, идетъ на сраженіе, какъ на подвигъ, считая просто естественнымъ

и необходимымъ грудью отстаивать, Вѣру, Царя и Родину, то казакъ видитъ въ этомъ подвигѣ еще и удаль, и красоту, и прелесть выполненія, независимо отъ идеи.

Отсюда какое-то невольное состязаніе въ лихости, въ молодечествѣ, въ беззавѣтной смѣлости.

Къ тому же, казаку во многихъ случаяхъ нечего и терять. Быть раненымъ, попасть въ плѣнъ—казаку одинаково гибельно.

Нѣмцы злопамятны. Не поглядятъ, не упустятъ случая вымѣстить скопившуюся ярость хоть на одномъ изъ представителей казачества, которое, какъ Божья гроза, поражаетъ ихъ полки.

Вотъ почему казаки такъ рѣдко, только ввидѣ исключенія, оказываются нѣмецкими плѣнниками, раненые-же изъ послѣднихъ силъ сопротивляются нападающему врагу.

Лучше пропасть—но не сдаться.

А вотъ и нѣсколько, случайно пришедшихъ на умъ иллюстрацій.

Казакъ Ѳедотъ Хрущевъ вызвался произвести отвѣтственную, серьезную развѣдку. Поѣхалъ онъ одинъ. Выѣхалъ позднимъ вечеромъ, такъ что, когда отъѣхалъ версты 4 или 5, взошелъ мѣсяцъ и ярко освѣтилъ окрестность. А тутъ какъ разъ пришлось ѣхать черезъ деревню. Деревня эта, правда, была давно покинута обитате-

лями, раззорена и сожжена отступившимъ непріятелемъ, но даже и на пожарищѣ и среди развалинъ все-таки легче укрыться, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ. Требовалась осторожность и, учитывая мысленно это обстоятельство, Хрущевъ на ходу оправилъ и освободилъ оружіе.

Предчувствіе его не обмануло. Едва онъ въѣхалъ на деревенскую улицу, какъ зоркій глазъ сперва только „почуялъ“ близкаго врага. Разглядѣть же его было затруднительно: середина дороги, гдѣ ѣхалъ казакъ, была ярко залита луннымъ сіяніемъ и видна, какъ на ладони, края-же утопали въ густой тѣни, и трудно было оріентироваться, сколько тамъ копошится притаившихся черныхъ тѣней.

— Господи, благослови,—мысленно произнесъ казакъ и поскакалъ навстрѣчу опасности.

— Здорово, братцы,—крикнулъ онъ и въ мгновеніе убилъ одного за другимъ двухъ нѣмцевъ, даже не успѣвшимъ осознать происшедшаго. Затѣмъ онъ подобралъ трофеи и, по окончаніи развѣдки, представилъ ихъ, кажется, въ штабъ, точно не запомнила словъ разсказчика. Генералъ поцѣловалъ храбреца и подарилъ ему сто рублей.

Другой случай, слышанный изъ иного источника, не менѣе характеренъ, чѣмъ предыдущій.

Помню, какъ-то за ужиномъ, на продовольственномъ пунктѣ зашла рѣчь о томъ паническомъ, почти суевѣрномъ страхѣ, который самое слово „казаки“ внушаетъ нашимъ врагамъ, въ особенности австрійцамъ.

Каждый изъ присутствующихъ сообщилъ, по этому поводу, какой нибудь анекдотъ или собственное наблюденіе.

Между прочимъ, была разсказана и слѣдующая забавная исторія.

Героемъ ея былъ Донской казакъ, фамилія котораго ускользнула изъ моей памяти, имя же его было Емельянъ.

Случилось ему отвозить донесеніе. Путь лежалъ черезъ глубокій, густо заросшій оврагъ.

Дѣло происходило еще лѣтомъ, и тѣни отъ пышныхъ зеленыхъ кустовъ ложились глубокія и темныя.

Смотритъ Емельянъ внимательно и зорко и ясно видитъ, какъ копошится кто-то внизу въ самой травѣ: австріецъ ползетъ.

Между прочимъ у этого Емельяна была одна особенность. При здоровенномъ сложеніи и крупномъ ростѣ, онъ питалъ какое-то инстинктивное отвращеніе ко всякому убійству и виду крови и сдѣлалъ своею спеціальностью „брать нѣмца живьемъ“.

Дѣлалъ онъ это виртуозно, какъ-то самой своей рѣшимостью и твердостью гипнотизируя жертву и лишая ее силы сопротивленія.

Такъ поступилъ онъ и на этотъ разъ. Подъѣхавъ къ запримѣченному австрійцу, выразительно и зычно крикнулъ: „бросай винтовку, такой сякой“. Австріецъ покорно исполнилъ требованіе.

— Ну, ладно,—похвалилъ не безъ самодовольства казакъ.

— Эге, никакъ еще „бѣлыя камашки“ въ кустахъ оказываютъ. Бросай винтовку.—Но второй австріецъ оказался менѣе сговорчивымъ. Онъ не только не бросилъ винтовки, но попытался взвести курокъ. Однако, тутъ вступился свой же товарищъ. Онъ накинулся на земляка съ упреками и, послѣ краткаго, но бурнаго объясненія, терпѣливо выслушаннаго непонимающимъ казакомъ, бунтовщикъ присмирѣлъ и призналъ надъ собою власть побѣдителя.

Между тѣмъ, первый дѣлалъ еще какіе-то знаки, силился что то объяснить, поднимая кверху два пальца.

— Знать, еще гостей ожидать велитъ,—догадался Емельянъ.

А гости ужъ тутъ, какъ тутъ.

Ползутъ еще двое. Увидали компанію и тутъ же къ ней присоединились.

Такъ со свитой и явился храбрецъ въ батальонъ.

Это случаи изъ разсказовъ очевидцевъ.

А вотъ кое-что изъ собственной практики.

Цѣпляясь одно за другое, нижутся воспоминанія.

Въ воображеніи рисуется лѣтній вечеръ. Румяный закатъ между стволами деревъ.

Далекіе, жуткіе отголоски боя. Лихорадочная работа на пунктѣ. Тысячи ужасныхъ подробностей.

Вдругъ за моею спиной произошло движеніе.

Оборачиваюсь и вижу странную картину.

Тяжело раненый всадникъ, на раненомъ конѣ доскакалъ до пункта, и оба они, сразу, съ послѣднимъ усиліемъ, упали, человѣкъ—на руки подбѣжавшихъ, лошадь — на влажную отъ вечерней росы землю.

Надо ли говорить, что это былъ казакъ.

Этотъ современный кентавръ, сросшійся со своей вѣрной, умной лошадкой и живущій съ нею одними нервами.

Послѣ осмотра раненаго, докторъ только развелъ руками, недоумѣвая, какимъ образомъ онъ могъ въ его состояніи держаться въ сѣдлѣ.

Немного не доѣзжая до города, минуемъ солдатскій бивакъ.

Расположились у самой дороги, на мокрой придорожной травѣ. Кипитъ жизнь, слышится гармонія. Привѣтливо дымитъ походная кухня, а около нея кашевары, присѣвъ на корточки, ловко и живо чистятъ капусту, блѣдно зеленѣющую на разостланнной рогожѣ.

Блеститъ ведро въ рукѣ солдатика, возвращающагося съ водой отъ колодца.

День—и мнѣ легче. Лихорадки почти не чувствую и, если не шевелиться,—почти не ощущаю боли въ спинѣ.

Болѣзнь притаилась и пережидаетъ.

Подстерегаетъ приближеніе вечера, чтобъ воспользовавшись ослабленіемъ организма отъ дневной работы, выпустить свои ядовитые когти.

Но гораздо раньше вечера мы уже въ городѣ.

Потянулись длинные, опустошенные огороды. Замелькали жалкіе, потемнѣвшіе отъ дождей пригородные домишки, справа вырисовался частоколъ фабричныхъ трубъ.

Галлюцинація воображенія на минуту заставила меня повѣрить въ то, что я въѣзжаю не въ чужой, незнакомый Л., а въ родной Петроградъ.

Сильно и сладко застучало сердце,

Но вотъ и улицы, сперва пустынныя, затѣмъ, ближе къ центру, болѣе оживленныя.

Это не Петроградъ, но это городъ, это городская, съ дѣтства знакомая и привычная жизнь, это свѣжія газеты и свѣжія булки, электричество на улицахъ и теплыя постели въ домахъ— и безотчетная радость, въ которой стыжусь себѣ самой признаться, охватываетъ меня.

Въ городскомъ лазаретѣ мнѣ отвели маленькую отдѣльную комнату.

Накормили, уложили въ постель, дали жаропонижающее средство.

Скромная, проворная и тихая, какъ мышка, дѣвушка-сидѣлка двигалась неслышными шагами, не звякнувъ переставляла на маленькомъ столикѣ у постели какіе то пузырьки и стклянки.

А я слѣдила за ея движеніями, и они меня почему то умиляли.

На бѣлую стѣну падали голубые отсвѣты уличнаго фонаря, за окномъ однотонно пѣли, пробѣгая мимо, трамваи.

Я заснула, не дождавшись прихода врача, и спала крѣпко, безъ сновъ, смакуя это давно позабытое, не достаточно цѣнимое ранѣе, благо сна.

Потянулись однообразные, длинные, но въ началѣ не скучные дни въ лазаретѣ.

Болѣзнь развивалась правильно и неуклонно. Температура все время была высокая, лежать на лѣвомъ боку не было возможности. Меня пеленали въ согрѣвающіе компрессы, а я нѣжилась, окруженная заботой и лаской и, въ первые дни, несмотря даже на физическія страданія, не испытывала положительно ничего, кромѣ, почти необъяснимаго, какого то животнаго благосостоянія.

По вечерамъ и по ночамъ, когда жаръ былъ особенно силенъ, я бредила, и бредовыя видѣнія смутно остались въ моей памяти.

Это были отраженныя въ памяти картины изъ недавняго ужаснаго прошлаго.

Копошащіеся раненые, кровь, искаженныя болью лица, выстрѣлы, ледянящіе душу выстрѣлы, которые мерещились мнѣ иногда и днемъ.

Но, иногда, чувство внутренняго жара ассоціировалось съ извѣстными бредовыми ощущеніями. И тогда мнѣ представлялось глубокое, голубое, какъ синька, небо, пальмы, много много горячаго, мягкаго, золотого песку и какіе то негры, голыя дѣти и между ними мои милые, далекіе, такъ давно оторванные отъ меня мальчики.

Двѣ недѣли прошли такимъ образомъ, внѣ времени и пространства, вырванныя за предѣлы дѣйствительности.

. . . .

Я горѣла и мучилась плевритическими болями и, постепенно нараставшей, душевной тоской по домѣ, той солдатской „скукой“, которую привелось познать и мнѣ.

Каждый день я упрашивала доктора отправить меня въ Петроградъ, но, являлись ли къ тому какія либо внѣшнія препятствія или не позволяло состояніе моего здоровья, докторъ отмалчивался, не объясняя причинъ.

Лежа, съ величайшимъ трудомъ и напряженіемъ я царапала нѣжныя, неудобочитаемыя письма оставленнымъ и только за этимъ занятіемъ отводила душу.

Теперь, когда моя разлука съ близкими потеряла свой смыслъ и значеніе, она была мнѣ тягостна и невыносима.

Каждую ночь мнѣ снился отъѣздъ, встрѣча на вокзалѣ, дѣти, и каждое пробужденіе было такимъ горькимъ разочарованіемъ, котораго кажется не перенести.

Наконецъ, въ одинъ изъ обычныхъ обходовъ, докторъ взглянулъ на меня болѣе милостивымъ взглядомъ и промолвилъ послѣ осмотра, улыбаясь въ пушистые сѣдые усы:

— Ну-съ, сестрица, Богъ съ вами, не хотите у насъ больше погостить—собирайтесь. Завтра можете ѣхать. Рада? А?

Была ли я рада?—Я обезумѣла отъ радости. Я не находила словъ для отвѣта и только сжимала въ своихъ рукахъ руку освободителя, выражая въ этомъ пожатіи всю мою признательность и счастье.

— Ну, хорошо, хорошо. Собирайтесь съ Богомъ. Изнервничались вы здѣсь,—пожалѣлъ меня докторъ.

— У меня дома дѣтки, докторъ,—не удержалась я.

Все, такъ долго замалчиваемое, рвалось наружу.

Я не отпускала отъ себя сидѣлку и говорила, говорила, вспоминала и мечтала.

А тихая, терпѣливая и кроткая дѣвушка слушала меня съ свѣтлой, немного печальной улыбкой, смачивала мнѣ виски одеколономъ и давала что то успокоительное.

Въ эту ночь я не сомкнула глазъ. Не дѣйствовали ни бромъ, ни другіе медикаменты.

Постепенно замирала госпитальная жизнь.

Стихали мягкіе шаги по корридору.

Притушили огни.

Рѣже и рѣже дребезжали за окнами звонки пробѣгавшихъ трамваевъ. Голубые отблески фонаря погасли на бѣлой стѣнѣ.

Послѣдняя ночь въ лазаретѣ.

Кончается цѣлая полоса жизни, но мысли разсѣяны и бѣгутъ, обгоняя одна другую, опережая тотъ поѣздъ, который завтра помчитъ меня домой, къ любимымъ и близкимъ.

Я уже подала телеграмму, извѣщавшую о днѣ моего прибытія, и теперь въ сотый разъ повторяла ее мысленно, даже шепотомъ, шевеля для убѣдительности губами, стараясь какъ можно глубже проникнуть въ смыслъ простыхъ лаконическихъ фразъ.

Постепенно блѣднѣли тѣни, свѣтящимся пятномъ сдѣлалось высокое окно. Разсвѣло, и по лазаретному корридору зашлепали торопливые, дѣловитые шаги.

Еще нѣсколько часовъ ожиданія. Самое нетерпѣніе словно упало. Возбужденіе притупилось...

Когда меня, закутанную, вывели на подъѣздъ госпиталя, въ отвыкшее отъ холода лицо рѣзко повѣялъ безпощадный суровый вѣтеръ, спутникъ и сотрудникъ глубокой осени.

Итакъ я ѣду. Мимолетное впечатлѣніе вокзала, гдѣ бросалось въ глаза множество военныхъ фуражекъ и шинелей, однѣхъ еще новенькихъ, другихъ измятыхъ, изношенныхъ, побывавшихъ въ боевомъ огнѣ. Руки на перевязкахъ, бѣлые, простые, наскоро смастеренные костыли.

Вспоминаются картины недавняго прошлаго. Но вспоминаются уже, какъ сквозь дымку. Какъ нѣчто, случившееся не со мной.

Точка зрѣнія перемѣнилась.

Изъ дѣйствующаго лица я стала зрителемъ и на многое смотрю иными глазами, многое наводитъ на иныя мысли, чѣмъ нѣсколько времени раньше.

Слѣжу взглядомъ за проходящими и останавливающимися для разговора офицерами и за тѣми, которые пьютъ чай у столиковъ подъ окномъ буфета, съ трудомъ маневрируя ложкой при помощи забинтованныхъ рукъ похожихъ на заячьи лапы, и, еще долго послѣ того, какъ поѣздъ отошелъ и оставилъ далеко позади вокзальныя и городскія зданія, меня занимаетъ мысль о томъ, какими возвращаются эти люди по сравненію съ тѣмъ, какъ уѣхали, какъ они будутъ жить дальше.

Мнѣ самой становится удивительно, что подобныя мысли мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не приходили въ голову во все время пребыванія на позиціяхъ.

А сколько этихъ людей прошло черезъ наши руки, молодыхъ, полныхъ силъ и надеждъ на будущее, раненыхъ, изувѣченныхъ, нервно больныхъ.

Ярче другихъ выступаютъ два случая. Одного солдатика, которому шрапнельнымъ осколкомъ, буквально, какъ косой, скосило носъ, и другого офицера, который, отъ сильнаго потрясенія мгновенно лишился языка.

Я попробовала себѣ представить, какъ они пріѣдутъ домой. Какъ встрѣтятся съ близкими.

Быть можетъ у солдатика была невѣста, вродѣ Марьянушки. Что же касается офицера, то о немъ я достовѣрно знала отъ товарищей-однополчанъ, что онъ недавно женатъ и имѣетъ двухлѣтняго сына.

Вѣроятно, эта жена и ребенокъ, радостные и счастливые, выѣдутъ къ нему навстрѣчу.

Онъ выходитъ изъ вагона самостоятельно, онъ не раненъ! Трудно повѣрить такой удачѣ! И тутъ же съ первыхъ шаговъ такое разочарованіе, хуже котораго трудно, кажется, и придумать...

Нѣмой! Отрѣзанный отъ жизни, отъ внѣшняго міра съ его интересами, отъ всего, къ чему рвется и просится молодая натура.

Господи, какъ грустно.

Лучше не думать...

И вотъ откуда то съ самаго дна души тихонько, тихонько разгорается огонекъ непосредственной, эгоистической, ребячьей радости о

томъ, что со мною не случилось ничего подобнаго.

Стыдливо передъ самой собою я стараюсь его затушить, но улыбка выдаетъ меня съ головою и, легко и невольно краснѣя, я быстро и мелко крещусь и стараюсь не вникать, что именно меня къ этому побуждаетъ: радость ли за себя, состраданіе ли къ другимъ.

Мѣрно постукиваетъ скрѣпами и покачивается поѣздъ; навѣвая дремоту, успокаивая, баюкая обѣщаніями того, что каждый оборотъ колеса приближаетъ къ завѣтной цѣли.

Откуда-то, очень издалека, слышится или чудится канонада. И кажется, что это салютъ въ нашу честь, въ честь тѣхъ, кто принесъ свою скромную жертву на святой алтарь.

Еще немного, и уже ничего не слышно; осталась позади, какъ страшный сонъ, война; панорама мирныхъ пейзажей мелькаетъ мимо оконъ вагоновъ. Полно, мирныхъ ли?

Тянутся болота и рощицы и обширныя пространства взрытой черной земли, надъ которой носится голодное и жадное воронье.

На небѣ отчетливо рисуется, будто вырѣзанный изъ картона, силуэтъ мельницы.

Дальше сожженная усадьба. Потомъ сожжен-

ное село. Отворачиваешься, и не хочется думать о томъ, что здѣсь происходило.

Среди черныхъ полей вьются змѣеобразныя линіи покинутыхъ окоповъ.

По дорогамъ движутся обозы и орудія, и люди, копошащіеся вокругъ нихъ, кажутся издали маленькими, хлопотливыми, похожими на муравьевъ, существами.

Приносятъ завтракъ; мнѣ не хочется ѣсть, но я на минутку задерживаю ласковую сестрицу съ добрыми близорукими глазами и разспрашиваю о томъ, когда въ точности прибудетъ нашъ поѣздъ? Много ли въ немъ раненыхъ? Много ли тяжелыхъ?

Сестрица присѣла около меня и съ улыбкой удовлетворяетъ мое любопытство.

Разсказываетъ она мнѣ попутно одинъ случай, небезъинтересный для человѣка, вѣрящаго въ судьбу.

— Ѣдетъ, говоритъ она, въ нашемъ поѣздѣ одинъ солдатикъ.

Могучаго вида и атлетическаго тѣлосложенія.

Побывалъ онъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, ходилъ въ штыки и въ атаку и остался цѣлъ и невредимъ—Богъ миловалъ. Потомъ, случилось, такъ, что залегли въ окопы. Обозъ отсталъ. Нѣмцы сраженія не принимали, „коштъ“ почти

весь вышелъ и людямъ жилось не весело! Ивану Клепкину, о которомъ шла рѣчь, приходилось особенно плохо: съ этакимъ ростомъ, здоровьемъ и, соотвѣтствующимъ послѣднему, аппетитомъ онъ болѣе другихъ страдалъ отъ недоѣданія.

Вотъ и предложи кто-то.

— Клепкинъ, а Клепкинъ, у меня, братъ, коробочка консервовъ (по ихнему „констервовъ") осталась да крѣпкая, шутъ ее возьми, не откроешь никакимъ манеромъ.

— Давай, говоритъ Клепкинъ, я ее пополамъ перерву.

На это товарищъ не согласился, ссылаясь на то, что „ейный сокъ вытекетъ, потому что констерва—рыба очень ужъ деликатная".

Тогда Клепкинъ примѣнилъ другой способъ.

Онъ расковырялъ уголокъ штыкомъ и, подсунувъ палецъ, попробовалъ сорвать крышку, да, острымъ краемъ, палецъ то и отрѣзалъ, немного, что не дочиста.

Въ лазаретъ изъ-за пальца идти посовѣстился.

Такъ и ходилъ дня три, пока на непромытой, кое какъ перевязанной ранѣ не началось нагноеніе, которое теперь неизвѣстно еще къ чему приведетъ.—Закончила свой разсказъ сестрица и поднялась уходить.

XXI.

Подъ вечеръ второго дня нашего путешествія прибыли мы въ Р.

Стоянка здѣсь была особенно продолжительна, такъ какъ нѣкоторыхъ раненыхъ, находившихся въ нашемъ поѣздѣ предполагалось размѣстить въ здѣшнихъ госпиталяхъ.

Городъ, по впечатлѣнію, вынесенному изъ окна вагона, большой и очень красивый, съ бульварами и со вкусомъ разбитыми скверами, вѣроятно очень пріятными и красивыми лѣтомъ.

Теперь же стояли прохладные, октябрьскіе сумерки, придававшіе зданіямъ и самому воздуху оттѣнокъ прозрачной синевы, въ которой ряды недавно зажженыхъ электрическихъ шаровъ казались длинными нитями жемчужныхъ бусъ, протянутыхъ надъ черной толпой, сновавшей по тротуарамъ. На вокзалѣ было порядочно народу.

Снова военные двухъ категорій, побывавшіе на войнѣ и неуспѣвшіе попробовать пороху, какія-то молоденькія дѣвушки въ костюмахъ гимназистокъ и, право, такія-же молоденькія сестрицы, скромныя и какія то по дѣтски торжественныя, милыя дѣвочки еще не привыкшія,

еще ощущавшія на своихъ плечахъ радостную тягость возложенной добровольно на себя, важной, не дѣтской заботы. Трудно было представить ихъ себѣ въ обстановкѣ лазарета, и какъ то отрадно подумать о томъ, какія хорошія, благородныя, твердыя духомъ матери выработаются изъ этихъ трогательныхъ „сестрицъ“.

Поѣздъ стоялъ долго и времени было достаточно и для размышленій, и для наблюденій.

Кстати же судьба захотѣла устроить такъ, чтобы, разъ наведенная на мысль о матеряхъ, я получила въ этомъ смыслѣ еще одно глубокое, скорбное впечатлѣніе.

Какъ я сказала выше, на вокзалѣ было довольно много народу. Тѣсноты однако не было, въ особенности по прошествіи перваго получаса стоянки, такъ что каждаго человѣка легко можно было отличить, разглядѣть и запримѣтить.

Въ буфетномъ залѣ два—три отдѣльныхъ столика были заняты около оконъ, да за среднимъ длиннымъ столомъ, украшенномъ традиціонными канделябрами и пыльными и искусственными пальмами, ужинала цѣлая компанія офицеровъ изъ тѣхъ, что еще не повидали военныхъ страховъ.

Вдругъ изъ глубины комнаты выступила маленькая, худенькая, вся въ черномъ фигура

пожилой женщины, за нею слѣдомъ едва поспѣвалъ мальчикъ-гимназистъ лѣтъ 15—16-ти.

Сквозь большое зеркальное окно буфета было ясно видно, какъ женщина торопливыми шагами пересѣкла большую комнату и такъ и ринулась на перронъ—къ поѣзду.

Среди ужинавшихъ произошло движеніе, головы сблизились, руки оживленной жестикуляціей дополняли, очевидно, взволнованныя, слова, сидѣвшіе за отдѣльными столиками тоже обернулись, Богъ вѣсть откуда появившійся начальникъ станціи спѣшилъ вслѣдъ старушкѣ.

Очевидно ее здѣсь знали и, видимо, тоже ея появленіе было чѣмъ то особенно и примѣчательно.

Между тѣмъ женщина подошла къ оказавшемуся въ этотъ мигъ на платформѣ младшему врачу поѣзда и вѣжливо, но настойчиво стала его о чемъ то разспрашивать.

Гимназистъ и начальникъ станціи въ это время дѣлали за ея спиной какіе-то, не совсѣмъ понятные, умоляющіе знаки, нѣсколько сбитому съ толку доктору.

Я не могла разслышать, о чемъ собственно разговаривали, но, должно быть, результаты для старушки были не благопріятны.

Она горестно махнула рукой и еще быстрѣе

зашагала къ выходу, низко опустивъ голову, никого вѣроятно не замѣчая, даже бѣднягу мальчика, слѣдовавшаго за нею, украдкой отирая глаза.

Въ то время пока длился разговоръ между старушкой и врачомъ, она стояла оборотясь лицомъ къ ярко освѣщеннымъ окнамъ, и я разглядѣла, что одѣта она была очень прилично, хотя просто, но лицомъ очень худа и, какъ то неестественно подвижна и безпокойна.

Немного позже, отъ зашедшаго ко мнѣ врача мнѣ удалось узнать и не совсѣмъ обыкновенную исторію этой бѣдной женщины.

Имя ея оказалось Марія Павловна К—ова, а мальчикъ гимназистъ былъ ея младшій сынъ, воспитанникъ одной изъ Московскихъ гимназій.

Сама она была родомъ тоже москвичка и имѣла еще одного, старшаго сына, Сергѣя, призваннаго въ дѣйствующую армію немедленно послѣ открытія военныхъ дѣйствій.

Недѣли за 3 или даже 4 до настоящаго вечера Марія Павловна, жестоко тосковавшая по любимомъ сынѣ и уже давно не имѣвшая отъ него даже писемъ, получила извѣстіе, что Сергѣй раненъ, и лежитъ въ одномъ изъ госпиталей города Р. Адресъ и названіе госпиталя были обозначены полно и ясно, но о характерѣ

и степени серьезности раны не упоминалось и для обезумѣвшей отъ радости и безпокойства матери ничего иного не представлялось возможнымъ, какъ тотчасъ же ѣхать въ Р.

Такъ она и поступила въ самый вечеръ полученія извѣстія. Уѣхала она, что называется въ чемъ была, не захвативъ буквально ничего, даже самаго необходимаго, даже какихъ нибудь дорожныхъ пустяковъ, только въ сопровожденіи младшаго сына незахотѣвшаго, въ виду ея возбужденнаго состоянія, отпустить мать одну.

Въ Р. несчастную ожидало горчайшее разочарованіе.

Въ указанномъ госпиталѣ его не оказалось Ей сказали что его перевезли куда то въ другое мѣсто, по другимъ версіямъ, будто онъ умеръ, не дождавшись матери.

Выслушавъ эти поясненія, старушка какъ то странно задумалась, кое о чемъ переспросила, и, недослушавъ отвѣта, повернулась и вышла, даже не кивнувъ и не обернувшись на второго сына.

Она спросила номеръ въ первой попавшейся гостиницѣ, заняла его, не освѣдомляясь о цѣнѣ и даже почти не оглядѣвшись, и тутъ же сѣла

на диванъ и снова принялась что то обдумывать и разсчитывать.

На видъ она была спокойна и покорна своей участи, но недаромъ мальчика испугало это спокойствіе.

Несчастная, съ крушеніемъ такъ долго поддерживавшей ея надежды, помѣшалась.

Она ни за что не согласилась уѣхать обратно, и это былъ единственный пунктъ ея настойчивости, во всемъ остальномъ она была кротка и послушна, какъ ребенокъ.

И вотъ, по нѣсколько разъ въ день, она приходитъ на вокзалъ, она встрѣчаетъ санитарные поѣзда, спрашиваетъ о своемъ сынѣ, и, всегда обманувшись, счастливая даже тѣмъ, что есть еще возможность обманываться, уходитъ въ свою гостинницу; и такъ до слѣдующаго поѣзда.

Въ Р. ее многіе знаютъ.

На Р—скомъ же вокзалѣ положительно всѣ даже мелкіе служащіе.

Всѣ стараются сохранить въ ней хрупкій проблескъ надежды изъ сочувствія къ молчаливой, но такой печальной, драмѣ материнскаго сердца.

XXII.

Ѣхали мы опять, какъ и въ августѣ, долго, долго.

Снова часами стояли на станціяхъ, пропуская длинныя вереницы вагоновъ воинскихъ поѣздовъ, снова просыпались среди ночи, теперь уже темной и ненастной, разбуженные плачемъ и причитаньями провожавшихъ родимыхъ и кормильцевъ.

Впрочемъ, надо отдать справедливость, что эти слезы и приговариванья не производили удручающаго впечатлѣнія первыхъ дней. Было въ нихъ что то болѣе сдержанное, я бы сказала— формальное. Чувствовалась разница между общей животной тоской и жутью, вызванными первымъ, мало понятнымъ, но угрожающимъ словомъ— мобилизація, и той сознательной грустью разставанія теперь, когда за три мѣсяца войны, слово воплотилось въ извѣстныя формы, стало выразителемъ опредѣленной великой, но доступной и близкой сердцу идеи.

Плакали потому, что „жалѣли“, и потому что не плакать, по освященной вѣками традиціи, значило ни за что, ни про что обидѣть отъѣзжавшаго, но за этими слезами и словами горести

и жалобы чувствовавалась надежда, укрѣпляющая и дарящая утѣшеніе въ трудномъ испытаньи, ниспосланнымъ на долю каждаго.

Раздавался въ сумракѣ рѣзкій свистокъ, гудѣлъ паровозъ, и тихонько двигались съ мѣста длинные, черные ящики съ освѣщенными квадратами оконъ: братья ѣхали смѣнять на полѣ ратномъ изнемогшихъ, ослабѣвшихъ, павшихъ за святое дѣло братьевъ.

На одной изъ станцій въ мое отдѣленіе ввели молоденькую, блѣдную и видимо изнуренную дорогой и предыдущей безсонницей сестру милосердія.

— Пріютите подругу по несчастью, сестрица,— улыбнулся приведшій бѣдняжку санитаръ.

А бѣдная дѣвушка, которую, буквально, подобрали на платформѣ, тутъ же свернулась комочкомъ и, уронивъ изъ рукъ крошечный узелокъ, моментально уснула, не успѣвъ разсказать какимъ образомъ она очутилась въ подобномъ безвыходномъ положеніи.

Она спала крѣпко и съ видимымъ наслажде ніемъ и во снѣ бредила отъ переутомленія, кричала, сердилась на непослушныхъ больныхъ и умоляла кого то сидѣть смирно.

Позже оказалось, что она съ величайшимъ затрудненіями пробиралась въ Гатчину, вызван-

ная телеграммой заболѣвшей матери. Послѣднія станціи ѣхала съ однимъ изъ немногочисленныхъ пассажирскихъ поѣздовъ; вышла изъ вагона, снѣдаемая безпокойствомъ и мучительной медлительностью передвиженія, и, присѣвъ въ уголкѣ вокзальнаго буфета, самымъ неожиданнымъ для нея самой образомъ, задремала и пропустила свой поѣздъ,

Бѣдняжка передъ этимъ шесть сутокъ подрядъ не ложилась; если присоединить къ этому полученную телеграмму, тревогу, безконечно медленный переѣздъ,—многое становится яснымъ и все происшествіе получаетъ характеръ правдоподобности.

— Охъ, какъ за маму безпокоюсь, какъ безпокоюсь,—нервно ломая пальцы, говорила сестрица, послѣ того, какъ подкрѣпилась благодѣтельнымъ сномъ.

— И отпускать ей меня какъ трудно было, а тутъ вдругъ такое несчастье. Только бы не было ничего ужаснаго.

И она тревожными и просящими глазами заглядывала въ мои глаза, словно отъ меня зависѣло сдѣлать такъ, чтобъ не было этого ужаснаго.

— Я вѣдь у нея послѣдняя, самая малень-

кая, — заговорила она снова, видимо тяготясь молчаніемъ.

Она такъ и сказала „маленькая". Я невольно улыбнулась и, вспомнивъ сестрицъ на вокзалѣ Р., съ невольнымъ любопытствомъ спросила:

— Сколько же вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать. У меня старшій братъ на войнѣ, поручикомъ—артиллеристъ онъ. Сестра тамъ же, врачомъ, а я только весной институтъ кончила. Я вѣдь медалистка — и горделивая улыбка озарила молодое, осунувшееся личико.

— Когда началась война, мы жили на дачѣ и рядомъ съ нами еще одна подруга по институту. Она сразу принялась солдатское бѣлье шить, а раньше иголки въ рукахъ не держала. Я тоже попробовала шить—только скучно показалось, да и что за радость дѣлать то, чего и результатовъ то никогда не увидишь. Правда? А тутъ, братъ уѣхалъ. Сестра уѣхала.

И я стала проситься.

Мама ни за что не соглашалась, все плакала, плакала, просто душу мнѣ разрывала. Наконецъ кое какъ упросила.

Сама и хлопотала черезъ начальницу института и ея важныхъ знакомыхъ, чтобъ отправили на позиціи.

И, знаете, пришлось мнѣ работать въ госпи-

талѣ, въ одномъ малюсенькомъ пограничномъ городишкѣ.

Разъ выдаютъ надѣть на раненаго рубашку, а въ нее голова не пролѣзаетъ, и пуговки перламутровыя отъ прикосновенія осыпаются, тутъ меня, какъ осѣнило: вѣрно это Катина (подруги моей) работа. И такъ мнѣ смѣшно стало. Просто всѣ подумали, что я съ ума сошла.

И задорная веселость при разсказѣ, снова такъ и искрилась въ милыхъ юныхъ глазахъ, еще недавно такихъ усталыхъ, грустныхъ и тревожныхъ.

Все дальше и дальше.

Все роднѣе и знакомѣе становится незатѣйливый пейзажъ.

Блѣдное, дождливое раннее утро встаетъ надъ еловыми лѣсками, надъ обширными пространствами болотъ и низменныхъ, сырыхъ, уже убранныхъ огородовъ.

У сторожки стоитъ, закутанная въ большой платокъ женщина и, прикрывая одной рукой сведенный зѣвкомъ ротъ, другою поднимаетъ зеленый флагъ и разсѣянно смотритъ вслѣдъ вагонамъ заспанными, апатичными глазами.

А мнѣ такъ весело, что хотѣлось бы расцѣловать ея некрасивое лицо и я машу рукой и улыбаюсь, хотя она уже не можетъ меня видѣть.

У меня все еще жаръ, кашель и боли въ спинѣ, но я даже радуюсь лихорадочному состоянію, обострившему воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній.

Моя молоденькая спутница собирается выходить; она что то перекладываетъ, перевязываетъ, въ своемъ узелкѣ, въ волненіи роняетъ вещи и смущенно оглядывается въ мою сторону.

Я со смѣхомъ подзываю ее и принимаюсь ей помогать.

Мы смотримъ другъ на друга и смѣемся, предаваясь безсознательному ощущенью радости близкаго пріѣзда, а на глазахъ выступали легкія, отрадныя слезы разряжающагося нервнаго напряженія.

Рѣже и раздѣльнѣе постукиванія поѣзда. Все медленнѣе плывутъ мимо оконъ сады, опустошенные осенью и деревянные дома...

Длинный, бѣлый, полутемный вокзалъ Гатчины, преддверія Петрограда...

XXIII.

Я дома.

Минуютъ невеселые, сумрачные многоэтажные дома фабричныхъ кварталовъ, Обводный каналъ, вдоль котораго тянется караванъ тяжело нагруженныхъ ломовыхъ подводъ.

Безжалостно сѣчетъ косой дождь равнодушно шагающихъ рядомъ съ подводами мужиковъ. И кажется, что точно такую же картину видѣла и вчера, и недѣлю, и мѣсяцъ тому назадъ.

Точно и не уѣзжала.

И спокойствіе, увѣренность смѣняютъ недавнюю тревогу и нетерпѣніе.

Поѣздъ, громыхая, вкатывается подъ стеклянную крышу.

На ходу замѣчаю фигуру жандарма, красную фуражку начальника станціи, какихъ то военныхъ, суетливыхъ и видимо озабоченныхъ, какихъ то дамъ съ цвѣтами въ рукахъ. Снова, какъ при отъѣздѣ, рѣютъ руки и шапки.

Подъ окнами бѣгутъ молодые люди въ студенческихъ пальто, съ перевязками санитаровъ на рукавѣ.

И, среди многаго множества лицъ одно, дорогое, такое знакомое, которое минуту спустя я цѣлую, смѣясь и плача одновременно.

Поѣздъ разгружается.

Выводятъ и выносятъ раненыхъ, толпа разступается, пропуская носилки. Кто то плачетъ. Кто то радостно тихо смѣется.

Съ кинематографической быстротой мелькаютъ внѣшнія впечатлѣнія.

Первые торопливые, жадные вопросы перего-

няющіе отвѣтъ. Какъ дѣти? Какъ здоровье? Что дома?

И тотчасъ же въ слѣдъ за ними: каково было тамъ?..

Я смотрю въ обрызганное дождемъ стекло автомобиля, мимо котораго мчатся знакомые дома, знакомыя улицы и даже, какъ будто знакомыя лица, и сердце, а не уста мои отвѣчаютъ истово и просто:

— Тамъ хорошо, мамочка.

И всей душой моей я въ этотъ мигъ чувствую, что „тамъ“ дѣйствительно хорошо, что тамъ‘ среди ужасовъ, опасностей и лишеній, что то главное обстоитъ благополучно, что тамъ— твердо съ человѣкомъ.

Человѣкъ этотъ—нашъ простой, сѣрый, милый русскій солдатикъ, настоящій герой моего незатѣйливаго повѣствованія.

Теперь, когда мои записки лежатъ законченныя предо мною, я перелистываю ихъ, я пересматриваю галлерею бѣглыхъ набросковъ, силуэтовъ, эскизовъ и вниманіе мое останавливаетъ одна, общая всѣмъ имъ особенность:

Мой солдатъ— воинственъ.

Въ литературѣ, относящейся къ настоящему переживаемому Россіей историческому моменту, много появляется и появится описаній мужества, геройства, подвиговъ нашихъ богатырей-солдатъ, но я люблю своего солдата—человѣка и ему, моему учителю и воспитателю, въ большую и серьезную эпоху моей жизни, посвящаю я настоящія записки.

Лидія Захарова.

Центральное Бюро и Редакція
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ“.

Контора и главный складъ
ПЕТРОГРАДЪ,
Невскій пр., д. № 60, кв. 11.
(Прот. Аничкова Дворца).
Тел. 267-30.

М. Г

Великая война нашихъ дней уже вызвала появленіе значительной литературы, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Наше издательство потому поставило своей цѣлью изданіе интереснѣйшихъ новинокъ, отнюдь не лубочнаго характера, а лишь серьезныхъ работъ извѣстныхъ авторовъ, пользующихся широкой популярностью во всей Европѣ. Однако, „Библіотека Великой Войны“ не ограничивается этой задачей: мы организовали центральное Бюро для распространенія при помощи нашего широко разбросаннаго по всей Россіи аппарата агентовъ всевозможныхъ изданій, касающихся Великой Войны, какъ-то: книгъ и брошюръ, географическихъ и т. п. картъ, рисунковъ и открытокъ и пр. Мы, конечно беремъ на себя распространеніе лишь вполнѣ серьезныхъ изданій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, отмѣченныхъ прессою.

Мы предлагаемъ какъ издательскимъ фирмамъ, такъ и частнымъ лицамъ, наше содѣйствіе по распространенію ихъ изданій на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Мы будемъ крайне благодарны Вамъ, М. Г., если Вы благоволите прислать намъ извѣщеніе объ изданныхъ Вами и намѣченныхъ къ изданію произведеніяхъ и указать условія, на которыхъ Вы согласились бы съ нами работать.

Съ почтеніемъ

Центральное Бюро Изд-ства

„Библіотека Великой Войны“.

Петрогр. Т-во Печат. и Изд. дѣла «ТРУДЪ» Кавалергардская, 40.

Ц. 1 р.

Складъ изданія: Невскій, 60, кв. 11.

Типографія „ВИКТОРІЯ" Знаменская, 17. Тел. 32-48.

